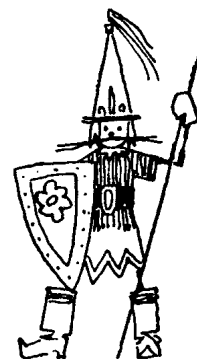
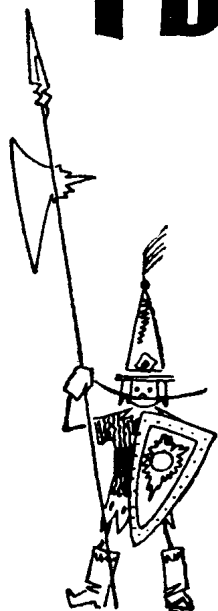

К. ЛАГУНОВ

ГОРОДОК НА ВУГРЕ

Повесть-сказка

СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
1969

Болтливая Сорока увидела белеющее на земле кукурузное зёрнышко, подхватила его и понесла. Встретились Сороке воробьи. Стала она хвастаться находкою и выронила зёрнышко. Так начались удивительные приключения Кукурузинки. Много бед подстерегало её, но она не погибла, потому что всюду с ней были её весёлые и отважные друзья.

О том, как Кукурузинка и её товарищи спасли свой город от злых разбойниц-мышей, как проучили бездельника Боб Бобыча, избавились от жадной Тыквы, и о многом другом рассказывает писатель К. Я. Лагунов в этой книге.

Для младшего школьного возраста

С НЕБА УПАЛА

На крытом току колхозники очищали кукурузу. Зерно ссыпали в кучу. Куча была высоченная, до самой крыши. Прямо гора.

На вершине этой горы лежала Кукурузинка.

В невидимую щёлочку на крыше пролез тоненький солнечный луч. Он подкрался к Кукурузинке и пощекотал её.

Кукурузинка сморщилась. Жёлтые ресницы затрепетали. Она шевельнулась да как чихнёт — апч-хи! — и кувырком покатилась с кучи.

Только хотела встать, как её подхватила неведомая сила и подняла вверх.

Это Сорока увидела белеющее на земле зёрнышко и на лету подхватила его клювом.

Тут подлетела к ней воробыная стая. Окружили воробы Сороку, любопытствуют:

— Где была?

— Что видела?

— Расскажи!

А Сороке только этого и надо. Повела она по сторонам горделивым взглядом и затараторила:

— Ах какая я зоркая! Какая смелая! Зовите всех сюда. Пусть слышат. Пусть видят. Что я нашла! Вот это находка! Такого зерна никто не видел. Никто не едал. Ай да зерно! Какое сочное! А душистое! Я его из-под ястребиного носа выхватила.

На сорочью трескотню слетелось множество птиц. Они удивлённо хлопали крыльями и галдели:

— Ай да Сорока!

— Подумать только!

— Ну и храбрец!

А глупый воробышка подпорхнул к ней и пропищал:

— Покажи зерно.

— Покажи! Покажи! — подхватили и другие птицы.

— Да что вы, ослепли? — рассердилась Сорока. — Разве не видите, какое зерно торчит в моём клюве?

— В твоём клюве? — удивлённо переспросил голубь и засмеялся.

И все птицы принялись хохотать и кувыркаться. А задиры воробьи давай дразнить Сороку:

— Балаболка! Пустомеля!

В клюве Сороки и в самом деле ничего не было.

— Карр-аул! Обо-кrrа-ли! — всполошилась хвастливая Сорока.

Вот так и начались необыкновенные приключения Кукурузинки.

Выпала она из сорочьего клюва и покатила прямо по железной крыше большого амбара. «Теперь я погибла. Разобьюсь», — и от страха крепко зажмурилась.

Но она не разбилась. Потому что упала на спину серого мохнатого Кота, который растянулся на крыше и грелся на солнышке.

Фыркнул Кот. Вскочил. Злыми зелёными глазами повёл по сторонам. Увидел Кукурузинку. Надул щёки, растопырил усы:

— Мя-ау! Это ты на меня прыгнула?

— Я не прыгнула. Я упала.

— С неба, что ли?

— Нет. Я выпала из клюва вон той птицы. Слышите, как она кричит?

— А-а! — Кот зевнул. — Это глупая Сорока. Люблю сорочье мясо. Вкусное. Меня все птицы боятся. Я — Кот. Не слышала про меня? У-ди-ви-тель-но! Придётся тебя съесть.

Кот обнюхал Кукурузинку. Презрительно сморщился:

— Ладно. Не трону. Ты невкусно пахнешь. Обиделась?

— И не подумала. А как вы сюда попали?

— Я могу залезать куда угодно. Видишь какие у меня когти? Лучше котов никто не лазает и не прыгает. Не веришь? Смотри.

Кот выгнул спину дугой, распушил хвост, потом присел на задние ноги и прыгнул. Да как! Кукурузинка и за час не прошла бы столько.

Стала Кукурузинка расхваливать Кота. Тот заважничал. Довольно прищурил зелёные глаза. Заходил по кругу и замурлыкал. Хвостом закрутил. Согнул его кренделем. Потом торчмя, как палку, вскинул вверх. Остановился перед Кукурузинкой, поворачивал глазами:

— Меня все боятся. Особенно мыши. Стоит мне мяукнуть — мя-ау! — и целый полк мышей кинется наутёк. А если мышь увидит в темноте мои глаза — она каменеет от страха. Ночью мои глаза горят, как светлячки! Хожу я бесшумно. Смотри и слушай. Я втягиваю когти и иду. Вот так.

И Кот, не слышно ступая, пошёл по железной крыше. Сколько ни напрягала Кукурузинка слух, она так и не услышала кошачьих шагов.

Вдруг Кот остановился и замер. Только уши у него шевелились да ноздри жадно втягивали воздух.

— Ты слышишь? — прошептал он. — На той стороне крыши галчата делят червяка. Попробую изловить галчонка. Прощай.

И помахав длинным пушистым хвостом, Кот убежал.

НА ГРОЗОВОЙ ТУЧЕ

Долго ждала Кукурузинка возвращения Кота. Думала, он поможет ей спуститься на землю. Но Кот не вернулся.

Надо было самой выбираться отсюда. А куда идти? Кругом, насколько видит глаз, только крыша да небо.

Хорошо, что из-за облака выглянуло Красное Солнышко. Доброе, весёлое. Расстелило оно по крыше золотой луч, и Кукурузинка зашагала по нему, как по дорожке.

Откуда ни возьмись — Туча. Закрыла Солнце. Погасла золотая дорожка под ногами Кукурузинки, и она пошла наугад.

Шла, шла да и очутилась на краю крыши. Глянула вниз — ахнула. Вот так высота! Даже дух захватило. Как же быть?

Дёрнула себя за косичку — задумалась. А что тут придумаешь? Пригорюнилась, вот-вот заплачет.

Вдруг что-то как шлёпнет по крыше — и брызги кругом полетели. Вскочила Кукурузинка — видит, рядом с ней маленькая лужица появилась. «Откуда она взялась?» А по крыше снова — шлёп, шлёп, шлёп! Это падали дождевые капли. Их становилось всё больше, и летели они всё быстрее. И скоро из маленьких капелек получились водяные ниточки.

Вцепилась Кукурузинка в ниточку и давай по ней карабкаться вверх. Ниточка качается на ветру, прогибается, того и гляди оборвётся. Кукурузинка от страха даже дышать перестала, а сама всё лезет и лезет вверх.

— Кто посмел дёргать меня за бороду? — послышался сверху громкий сердитый голос.

Подняла голову Кукурузинка и увидела чёрное косматое чудище. Из глаз у него огонь вылетает, изо рта дым клубится.

— Кто вцепился мне в бороду? Отвечай! — снова загрохотало чудище. — Не то молнией проколю, громом оглушу. А ну!

Тут как громыхнёт над головой, будто небо пополам раскололось. И во все стороны полетели огненные стрелы.

— Это я, — еле слышно пролепетала Кукурузинка.

— Как ты сюда попала?

— Я... Я сама не знаю. Я думала...

— Мало ли что ты думала!.. — прорычало чудище. — Зачем ты сюда залезла?

— Я хочу домой, — дрожащим голосом ответила Кукурузинка и рассказала всё, что с ней приключилось.

— Это хорошо, — добродушно проворчало чудище. — Молодец! Люблю смелых. Полезай ко мне на спину. Да покрепче держись и я тебя мигом домчу.

— А вы кто? — осмелела Кукурузинка.

— Я... Ха-ха! Неужели ты не знаешь меня? Глупышка! Тогда слушай.

И чудище запело громовым голосом:

Я черным — черна, гремуча

Я не облако, а Туча.

Над землёю я лечу,

Стрелы-молнии мечу.
Длинной мокрой бородой
Подметаю шар земной.
Поливаю я поля,
Омываю кустик каждый,
Без меня давно земля
Задохнулась бы от жажды.
Наполняю я водой
Ручейки, озёра, реки.
Без меня бы шар земной
Неумытым был вовеки.

— Поняла теперь, кто я? Я — Туча. И не простая, а Грозовая. Вот смотри.

Сверкнула молния — и раздался такой гром, что Кукурузинка задрожала.

— Ну-ну, — ласково пророкотала Туча, — не трясись. Это я просто так. Пошутила.
Куда тебя отвезти?

— Я бы хотела вернуться на землю.

— Ладно. Довезу тебя до поля и спущу на землю. Только держись покрепче.

Как огромная чёрная птица, летела косматая Туча по небу. Ветер свистел в ушах Кукурузинки. Она посмотрела на плывущую внизу землю и не удержалась, задорно крикнула: «Эгей!» Ей было очень хорошо. Хотелось смеяться и петь.

Мимо пролетали кудрявые лёгкие облака. Над головой сверкало яркое Солнце. А внизу шумел ливень, вспыхивали голубые молнии, грохотал гром.

— Эй! — донеслось до Кукурузинки. — Ты не заснула?

— Что вы!

— Погляди-ка вниз. Видишь, какой простор! Поля и леса кругом.

— Как быстро мы прилетели, — вздохнула Кукурузинка.

— Не хочется слезать?

— Нет.

— Тогда посиди ещё. Видишь внизу речку? Сейчас подолью в неё водички. А потом и тебя спущу на землю.

Туча стала снижаться. Лохматыми боками она задевала деревья, и те, покорно склоняя вершины, тревожно шумели листвой.

Вот Туча нависла над рекой, и сразу почернела в ней вода, засверкали белые гребешки волн. Забарабанили по воде крупные, тяжёлые капли дождя.

Но вот и река осталась позади.

— Теперь слезай,— устало пророкотала Туча,— мне пора отдохнуть.

— Спасибо вам, Грозовая Туча. Вы спасли меня...

— Пустяки,— громыхнула Туча.

— До свиданья. Счастливого пути вам, Грозовая Туча...

Кукурузинка уцепилась за дождевую ниточку и стала спускаться вниз. Сначала она спускалась медленно, потом всё быстрее и быстрее, а потом так стремительно заскользила, что у неё потемнело в глазах.

КТО Я?

Кукурузинка пришла в себя. Подняла руку — цела. Подняла другую — то же цела. Пошевелила ногами — ноги на месте. Потрогала голову — и голова цела. Засмеялась она от радости. Вскочила. Огляделась. Никого кругом.

Вдруг что-то зашуршало, затрещало, и перед испуганной Кукурузинкой вырос целый лес зелёных травинок. Все они были как на подбор. Высокие, стройные, перепоясанные

широкими ремнями. Все одеты в одинаковые рубахи, обуты в зелёные ботинки со шпорами. На головах — бирюзовые шлемы. В руках — щиты. На боку — мечи. За спиной — пики.

Они плотным кольцом окружили Кукурузинку, пики на неё направили и грозно крикнули:

— Стой!

Вышел вперёд Старший Травинка. Сердито пошевелил длинными зелёными усищами. Громко спросил:

— Кто ты? Откуда и куда? Отвечай! Кукурузинка пожалала плечами, беспомощно развела руками:

— Я не знаю.

— Не может быть! — зашумели травинки. — Она смеётся над нами!

— Что вы, что вы! — замахала руками Кукурузинка. — Я ни капельки не смеюсь. Откуда мне знать, кто я? Я же себя ни разу не видела.

Старший Травинка принялся закручивать усы в кольца. Это означало, что он глубоко задумался. Потом он снова распустил усы и сказал:

— Загляни в эту лужу, и ты увидишь себя.

Подбежала Кукурузинка к лужице. Заглянула в неё и увидела своё отражение. Выпуклый лоб. Пухлые щёчки.

Голубые глаза. Курносый нос пуговкой. А на плечах рыжие косицы болтаются.

Подумала она и говорит:

— Всё равно не знаю, кто я.

Серdito нахмурился Старший Травинка. Засопел и стал опять свивать в кольца свои зелёные усищи. Крутил, крутил да и приказал позвать учителя Одуванчика.

Скоро, опираясь на посох, пришёл старый-престарый учитель — Одуванчик. Он был весь седой. И волосы, и борода, и усы, и брови, и даже ресницы у него были седые, будто серебряные.

Достал Одуванчик большие очки. Протёр их. Надел на нос, наморщил лоб и принялся рассматривать незнакомку.

Потом вынул из кармана толстую книгу. Полистал, полистал её и говорит:

— Это Кукурузинка.

— Спасибо, — поблагодарила она Одуванчика. — Теперь я знаю, кто я. — И Кукурузинка шагнула вперёд.

Но травинки снова окружили её, ошетинились пиками.

— Ты у нас в плену, — угрожающе зашевелил зелёными усами Старший Травинка. — Хочешь быть на свободе — расскажи нам весёлую сказку.

— Не знаю я ни одной сказки. Ни весёлой, никакой.

— Вот задача, — смущённо пробормотал Старший Травинка. — Она не знает ни одной сказки! Как же быть?

Все вопросительно посмотрели на белоголового учителя Одуванчика. А он сомкнул серебристые ресницы и то ли уснул, то ли задумался.

Старший Травинка подождал, подождал — не выдержал. Нетерпеливо кашлянул. Одуванчик открыл глаза и тихо сказал:

— Пускай споёт песенку.

— Пусть, поёт, пусть поёт! — закричали травинки хором и уселись в круг.

Хлопнула Кукурузинка в ладоши. Топнула маленькой ножкой. И звонким, весёлым голосом запела:

Ростом мала,
Немного курноса,
Всегда весела,
Не вешаю носа,
Не плачу в беде
И не унываю,
Всегда и везде
Весёлой бываю.
Тра-ля-ля-ля,
Вот она я —
Мала и кругла,
Как бусинка.
Ни с кем не дерусь,
Пою и смеюсь.
Я — Кукурузинка!

Песенка всем очень понравилась. Травинки вскочили и так оглушительно затопали бо-

тинками, зазвенели шпорами, захлопали в ладоши, что у Кукурузинки голова закружилась.

— Молодец, — похвалил её Старший Травинка, — твоё песенка пришлась нам по душе. Мы отпускаем тебя на все четыре стороны. Скажи только, куда ты идёшь?

— Меня унесла Сорока. Я убежала от неё и теперь иду, сама не знаю куда.

— Как же так? — забеспокоился Одуванчик. — Надо знать — направо ты пойдёшь или налево?

— Пойду по этой тропинке. Может быть, она и приведёт меня куда-нибудь.

— Может быть, — сказал Одуванчик.

— Ну, иди... — вздохнул Старший Травинка.

Травинки расступились, пропуская Кукурузинку. Но тут старый учитель Одуванчик укоризненно покачал седой головой и недовольно сказал:

— Куда вы её отпускаете? Ведь она раздета и разута. Так нельзя.

Все сразу согласились с Одуванчиком. Травинка побежал за швейным мастером.

ПОРТНОЙ СОЛОМИНКА

Портной Соломинка был тонкий и высоченный, с большой сумкой на боку. В руках он держал ножницы и мел. Из кармана его золотистой куртки торчала рулетка.

Старший Травинка попросил портного сшить для Кукурузинки самое красивое платье.

— Можно, — согласился Соломинка.

Засучил он рукава своей куртки. Сдвинул на макушку жёлтый берет. Выхватил из кармана рулетку и склонился над Кукурузинкой. Да только никак не мог дотянуться до неё. Тогда портной склонился ещё ниже. Вот уже он согнулся коромыслом. Вот превратился в колесо и вдруг закричал:

— Скорее! Поддержите! Сейчас я переломлюсь!

Травинки подхватили Соломинку за плечи, помогли ему выпрямиться.

— Фу, — облегчённо вздохнул он. — Ещё мгновение — и я переломился бы пополам. Вот задача! Как же снять с неё мерку?

В самом деле, это была нелёгкая задача. Ведь Кукурузинка ростом была чуть выше портновских красных башмаков с загнутыми носками.

— Придётся встать на колени, — посоветовал Старший Травинка.

— Пожалуй, — согласился Соломинка.

Однако, и стоя на коленях, он не смог снять мерку с Кукурузинки.

— А попробуй-ка встать на четвереньки, — предложил Старший Травинка.

Соломинка попробовал.

— Вот сейчас я снял бы с неё мерку, — проговорил портной. — Если бы... если бы у меня было четыре руки. На двух я бы стоял, а двумя снимал мерку. Где же раздобыть ещё пару рук?

Травинки в ответ только плечами пожимали.

Старший Травинка взялся за усы, покрутил их и попросил совета у Одуванчика.

И опять старый учитель нацепил на нос большие круглые очки. Пригладил серебряную бороду, подумал и промолвил:

— Пусть Кукурузинка встанет на щит. А двое самых высоких и самых сильных из вас поднимут этот щит вместе с ней.

Так и сделали. Стоя на щите, Кукурузинка доставала Соломинке до плеча, и портной проворно снял мерку.

Потом Соломинка уселся на землю. Достал из сумки яркие лоскутки. Разложил их перед собой и стал кроить, звонко щёлкая длинными ножницами.

Затем он вынул из берета самую короткую и самую тонкую иглку и начал шить. Игла так проворно мелькала в воздухе, что за ней трудно было уследить.

Соломинка шил и вполголоса напевал:

Я — Соломинка — портной,
Целый день сижу с иглой.
Для меня она — подруга,
Мы ни шагу друг без друга.
Всей округе мы должны
Сшить рубахи и штаны.
Всем должны мы угодить,
Всех по вкусу нарядить.
Потому-то день-деньской
Мы работаем с иглой.
И меня за этот труд
Швейным мастером зовут.

Допев песенку, Соломинка встал. Воткнул иглу в берет. Рассовал по карманам рулетку, мел, ножницы и сказал:

— Готово.

Чудесный наряд сшил он для Кукурузинки! Красную юбочку — из лепестков мака. Белую кофточку — из лепестков ромашки. Жёлтые башмачки — из лепестков лютика.

— Красиво, — проговорил Старший Травинка, и его зелёные усы задрожали от удовольствия.

— Великолепно! — гаркнули хором травинки, оглушительно заскрипев зелёными ботинками.

Пришло время расставаться. На прощание Старший Травинка сказал:

— Всюду на земле есть наши братья. Попадёшь в беду — покличь их. Склонись к зем-

ле и позови: «Травка-муравка, зелёная булавка, меня защити, врага уколи». И сразу травинки придут к тебе на помощь. Не забудешь?

— Не забуду! Никогда не забуду.

Кукурузинка помахала рукой, запела свою песенку и пошла.

Старший Травинка смахнул с зелёных усов слезу и замахал бирюзовым шлемом.

Портной Соломинка вытер платком влажные глаза и прошептал:

— Прощай, Бусинка.

Учитель Одуванчик молча склонил большую седую голову.

А травинки махали и махали руками вслед Кукурузинке. Махали до тех пор, пока она не скрылась за крутым поворотом полевой тропинки.

ЗДРАВСТВУЙ, ПАХТАЧОК!

Наступил полдень. Немилосердно палило солнце. А Кукурузинка всё шла и шла.

Неожиданно тропинка оборвалась у берега широкой реки.

Высокие мутные волны угрожающе шумели. Одна волна так хлестнула Кукурузинку по ногам, что едва не опрокинула.

Отпрыгнула Кукурузинка в сторону. Прикрыла от солнца ладошкой глаза, посмотрела на другой берег — далеко. Как же теперь выйти на тропинку?

Будь на месте Кукурузинки любая другая девчонка, она непременно бы расплакалась и стала звать маму. Но Кукурузинка и не собиралась плакать. Она подумала-подумала, подергала себя за рыжую косичку да и махнула рукой «Пойду вдоль берега», — решила она.

Идёт и слышит: догоняет её кто-то. Кукурузинка оглянулась и увидела большую круглую пушистую шляпу. Шляпа сверкала на солнце, как снег. Из-под неё выглядывало

мальчишечье лицо, долгоносое, скуластое, с острым подбородком.

Мальчик был одет в белоснежную куртку и серые короткие штаны. На ногах — белые резиновые галоши. Подбежав к Кукурузинке, он снял шляпу и, приложив левую руку к груди, поклонился.

— Ты кто? — изумилась Кукурузинка.

— Неужели ты не узнаёшь меня? — воскликнул мальчик. — Я — Пахтачок. Ну что ты так смотришь? Это моё имя. А на самом деле я обыкновенное хлопковое семечко. А кто ты?

— Кукурузинка.

— Вот хорошо, что мы встретились... — начал было Пахтачок, но тут же умолк. Нахмурился, испугано оглянувшись.

— Чего ты испугался?

— Беда! За мной гонится Клещ.

— Кто он?

— О! Это страшный злодей. Он ловит и съедает таких малышей, как мы. Бежим скорее отсюда!

— Куда же мы побежим?

— По берегу нам не убежать. Надо туда, за реку. Клещ не умеет плавать!

— А как мы туда переберёмся? — спросила Кукурузинка.

— Надо что-то придумать.

Пахтачок огляделся, увидел сухой кленовый лист.

— Вот нам и лодка! — Подбежал к листку, поплевал на ладони и ну толкать его к берегу.

Кукурузинка изо всех сил помогала ему. Но лист был очень тяжёлый и медленно по-

подвигался к воде.

Кукурузинка перевела дух, оглянулась и обомлела. Прямо на них не слышно двигалось какое-то ужасное существо. С рогатой головой и разинутой пастью. Жутко сверкали его выпученные глаза. Хищно блестели громадные клыки. Он зарычал, защёлкал зубами. Это и был Клещ.

— Всё пропало! Мы погибли! — Пахтачок прикрыл собой Кукурузинку. — Беги. Я его задержу!

— Толкай скорей листок! — крикнула Кукурузинка, а сама побежала навстречу Клещу.

— Куда ты? Вернись! — закричал ей вслед испуганный Пахтачок.

Увидел Клещ бегущую к нему и затрясся от злости. Разинул до ушей клыкастую пасть, зафыркал, забрызгал голодной слюной. А Кукурузинка от страха закрыла глаза, склонилась к земле и быстро-быстро прошептала:

— Травка-муравка, зелёная булавка, меня защити, врага уколи.

И в то же мгновение из-под земли выскочил целый полк зелёных травинок. Они плотным кольцом окружили Кукурузинку. Выставили перед собой пики, подняли над головами щиты и грозно крикнули Клещу:

— Вон!

Забегал Клещ вокруг травинок. Когтистыми лапами размахивает, глазищами хлопает, клыками клацает. А поделаться ничего не может. Сверху Кукурузинку щиты прикрывают, с боку к ней пики не пускают. Несколько раз кидался на них Клещ. Весь живот исколол. Заревел от злости и боли. Хвостом себя по бокам хлещет, рогами воздух бодает, когтями землю рвёт.

Пока Клещ бегал вокруг травинок, Пахтачок столкнул кленовый листок на воду.

— Беги, Бусинка, — зашумели травинки.

Расступились, выпустили из кольца Кукурузинку, а Клеща окружили со всех сторон. Приставили к нему пики. Не двинуться Клещу, не шелохнуться.

Добежала Кукурузинка до берега, прыгнула на кленовый листок.

— Спасибо родные! До свидания!

— Счастливого пути! — дружно откликнулись травинки.

Они построились в ряд. Вскинули на плечи пики и запели:

Мы, дружные Травинки,
Шагаем в ряд.
Зелёные ботинки
Поют-скрипят.
Не зря враги боятся
Зелёных рот:
Умеет храбро драться
Степной народ.
А ну вперёд, Травинки,
За рядом ряд.
Зелёные ботинки
Пуškai скрипят.

Допели они песенку до конца и исчезли, словно провалились сквозь землю.

ВОДОПАД

Давно пропали травинки. А Клещ всё ещё стоял на месте и никак не мог опомниться. Наконец он пришёл в себя. Бешено рявкнул и кинулся к берегу. Но кленовый листок с Кукурузинкой и Пахтачком плыл уже далеко. Заревел Клещ пуще прежнего и припустил по берегу за ними. Бежал, бежал изо всех сил. Раскраснелся, распыхтелся, как пузырь на-

надулся, да вдруг за камень запнулся, на землю кувыркнулся, носом в кочку ткнулся и заплакал от злости.

Пахтачок с Кукурузинкой весело смеялись над Клещом.

Течение реки было очень быстрым. Листок летел по волнам, как стрела. Он то высоко подпрыгивал, то нырял вниз. Над ним взлетало множество мельчайших брызг. В ярких лучах солнца эти брызги сверкали и переливались. И кленовый листок издали походил на диковинный корабль.

Но вот впереди послышался странный шум. С каждой секундой он становился всё громче и тревожнее. И вскоре совсем рядом раздался ужасный грохот. Пахтачок что-то

закричал, но Кукурузинка не расслышала его слов. Тогда он склонился и крикнул ей в самое ухо:

— Впереди водопад! Скорее к берегу!

Оба изо всех сил принялись грести руками. Только течение было сильнее их. Оно всё быстрее и быстрее несло беспомощный листок к водопаду.

Пахтачок сорвал с головы шляпу. Высоко поднял её. Он думал, что ветер надует шляпу, как парус, и повернёт челнок к берегу. Но сильный порыв ветра вырвал шляпу из рук, и она, белой птицей перелетев реку, пропала из виду.

А водопад стремительно приближался. Вот уже совсем рядом пенистые гребни водоворота. Вода там кипела и пузырилась, как в котле

Кукурузинка вцепилась в зубчатые края кленового листка и замерла.

На гребне водоворота листок подкинуло вверх и несколько раз перевернуло в воздухе. Друзья не удержались и полетели в воду.

Водоворот подхватил Кукурузинку, закружил, завертел её, потянул вниз. Она отчаянно махала руками, но водоворот всё глубже и глубже засасывал её. И вот вода сомкнулась над ней. Перед глазами поплыли разноцветные круги, и Кукурузинка пошла на дно.

Тут какая-то сила рванула её вверх. Широко раскрытым ртомдохнула Кукурузинка свежего воздуха и увидела рядом Пахтачка. Он держал её за рыжую косицу и изо всех сил тянул к берегу. Пушистая куртка удерживала Пахтачка на воде. Он не тонул и не давал утонуть Кукурузинке.

Долго они боролись с бешеными волнами. Наконец им удалось вырваться из цепких лап водоворота. Течение подхватило их и понесло. С большим трудом выбрались они из воды и, обессиленные, упали на горячий песок.

Прошёл час, а может быть, и два. Друзья хорошо отдохнули, согрелись и высохли на

солнышке.

Кукурузинка вскочила:

— Вот мы и переплыли реку.

— Где уж там «переплыли»! — отозвался Пахтачок. — Мы еле выкарабкались.

— Главное — мы на другом берегу, — отмахнулась Кукурузинка. — Куда теперь пойдём?

— Давай сначала найдём шляпу, а потом решим, куда идти.

И они отправились искать унесённую ветром белую шляпу Пахтачка.

Он не спеша шёл впереди. Покачивался из стороны в сторону и протяжно напевал:

Слон — самый сильный из зверей,

Конечно, самый сильный.

Лев — самый хищный из зверей,

Конечно, самый хищный.

Но я их вовсе не боюсь,

Конечно, не боюсь их.

И ради друга я готов,

Конечно же, готов я

Один на стадо львов напасть,

Конечно, хоть на стадо.

— Чудесная песенка, — засмеялась Кукурузинка. Вдруг она оборвала смех, задумалась.

— Что случилось? — встревожился Пахтачок.

— Свой дом вспомнила, — со вздохом ответила Кукурузинка и рассказала, как её унесла Сорока, как она встретилась с Котом и как попала к Туче.

— Не горюй. Найдётся твой дом. Будем вместе искать и найдём. Теперь всё страшное и грустное позади, — утешал её Пахтачок. — Прибавь-ка шагу! Видишь, что-то белеет на

бугре. Может быть, это и есть шляпа.

БОБ БОБЫЧ

Пахтачок не ошибся. На бугре действительно лежала его шляпа. Но пока друзья вскарабкались на вершину высокого бугра, наступил вечер.

— Ох, — вздохнула Кукурузинка, — я так устала, так устала! Не могу больше стоять. — И она упала на землю.

— Мои ноги тоже не держат меня, — откликнулся Пахтачок и повалился рядом.

Надвигалась ночь. Красный шар солнца уже наполовину закатился за горизонт. Прохладный ветер закружил над землёй. С тревожным криком проносились птицы. Они торопились в свои гнёзда.

— Скоро спрячется солнце, и настанет чёрная ночь. — Пахтачок тяжело вздохнул. — Пора и нам подумать о ночлеге.

Он быстро расстелил свою мягкую, пушистую куртку, и друзья улеглись на ней.

Небо над головой почернело от туч. Солнце совсем скрылось. Стало темным-темно. Вдруг бабахнул такой гром-громище, что земля задрожала. С треском разорвав тучи, в небе промелькнула ослепительная голубая змея — молния. Хлынул проливной дождь.

Пахтачок едва успел вскинуть над головой свою огромную шляпу. Под ней и укрылись друзья.

— Это Грозовая Туча землю подметает, — сжавшись в комок проговорила Кукурузинка. — Она добрая. Если бы знала, что мы здесь, ни дождинки на нас не уронила бы.

— Держи крепче шляпу, а то ветер унесёт её. Тогда мы пропали!

Несколько раз Кукурузинка высовывалась из-под шляпы и что есть сил кричала в тёмное небо:

— Грозовая Туча! Не поливай! Здесь мы!

Но её тоненький голосок тонул в шуме проливного дождя.

Всю ночь гроыхал гром, сверкали молнии, бушевал ливень. Крупные капли угрожающе барабанили по шляпе. Ветер вырывал её из рук, закидывал под неё холодные дождевые брызги. Друзья ёжились от холода, прижимались друг к другу и молчали.

Утром дождь перестал. В небе засверкало солнце. Стало тепло и весело.

— Как хорошо! — сказала Кукурузинка. — Только есть хочется. Сейчас я бы одна съела целый горшок каши.

— А у меня знаешь какой аппетит? Я бы не горшок, а целый котёл опорожнил.

— Тогда пойдем, поищем чего-нибудь съестного, — предложила Кукурузинка.

И они отправились на поиски.

Друзья вернулись на бугор не с пустыми руками. Усаживаясь завтракать, Пахточок сказал:

— Не хотел я тебя огорчать, но ничего не поделаешь. Знаешь ли ты, что скоро придёт сырая осень, а за ней зима. Будет холодно. Всё засыплет снегом. И если зима застигнет нас в пути, мы пропадём. — Пахточок помрачнел.

— Зачем нам пропадать? Давай лучше что-нибудь придумаем. — Кукурузинка дёрнула себя за ры-жую косицу и задумалась.

Пахточок тоже стал думать, приложив ладошку ко лбу.

Сколько времени просидели они так — кто знает. Но вот Пахточок повернул к Кукурузинке посветлевшее лицо и радостно воскликнул:

— Я придумал! Давай построим здесь дом. Запасёмся едой. Наготовим дров и перезимуем.

Так они и порешили.

Облюбовали место на бугре. Наносили большую кучу глины. Вырыли в ней ямку. Налили туда воды из лужицы. Глина намокла, потемнела, стала вязкой, как тесто. Из этого глиняного теста друзья принялись лепить кирпичи.

Это была нелёгкая работа. Но они трудились, не разгибая спины. А чтобы работалось легче, Кукурузинка вполголоса запела:

Тра-ля-ля-ля,
Вот она я —
Мала и кругла,
Как бусинка.
За что ни возьмусь,
Того и добьюсь.
Я — Кукурузинка!

— Тише! — Пахточок предостерегающе вскинул руку.

Кукурузинка перестала петь, и сразу послышалось громкое надсадное пыхтение.

— Фух-пух-ух!

— Что это? — удивилась Кукурузинка.

Пахточок в ответ только плечами пожал.

А пыхтение приближалось, становилось всё громче и тяжелее. Теперь стало ясно: кто-то поднимается по склону бугра. Но кто?

Друзья проворно спрятались за грудой готовых кирпичей.

Фыркание раздалось совсем рядом. И вот над бугром стала видна большая лысина. Потом показалась круглая голова с толстыми щёками, большущим носом и красными мясистыми губами.

По надутым щекам текли ручейки пота. Из раскрытого рта, как из трубы, вылетало:

— Фух-пух-ух!

Ещё минута — и на бугре появился высокий круглый толстяк. С портфелем и тростью в одной руке. С большим клетчатым платком — в другой. Платок был так велик, что походил на простыню. Толстяк поминутно обтирал им потную блестящую лысину и сопел.

Он долго стоял, тяжело отдуваясь, бессмысленно глядя по сторонам выпученными, как у рака глазами. Потом засунул платок в карман. Взял в освободившуюся руку трость. Помахивая ею, медленно зашагал к куче кирпичей.

Кукурузинка с Пахтачком выскочили из укрытия.

Толстяк испуганно попятился. Но ему ничто не угрожало. И, выпятив надутый, как мяч, живот, он снова двинулся вперёд. Подошёл и важно остановился перед изумлёнными друзьями.

— Кто вы такой? — спросила его Кукурузинка.

Толстяк прищурил рачьи глаза, звонко чмокнул большими мясистыми губами и глухим, хриплым голосом запел:

Я толстый, важный господин,
У всех в большом почёте.
На свете я такой один,
Другого не найдёте.
Друзья, знакомые, родня —
Все чтут как старшего меня
И очень уважают.
Они Боб Бобычем меня
С почтеньем величают.
Я — Боб не бедный, не простой,
Живу не в огороде,
Я занимаю пост большой

В бобином нашем роде.
Есть у меня своя семья:
Жена и семь бобят.
Главней всех — я,
Сильней всех — я,
И больше всех имею я
Отличий и наград.

Под конец Боб Бобыч совсем охрип.

Закончив песню, он долго откашливался. Снова извлёк клетчатый платок-простыню. Вытер им потную лысину. Засунув платок в карман, строго спросил Пахтачка:

— Вы всё поняли?

— Как будто понял, — ответил тот. — Вот только...

Но толстяк бесцеремонно перебил его:

— Тогда организуйте.

— Что я должен организовать?

— Надо научиться на лету угадывать мои мысли. Я долго шёл. Конечно, я устал. Проголодался. Пора бы мне пообедать!

Кукурузинка проворно разложила перед Бобом всё, что у них было съедобного.

— И только? — нахмурился Боб.

— Больше у нас ничего нет, — смущённо потупилась Кукурузинка.

Боб недовольно хмыкнул и с такой торопливостью и жадностью накинулся на еду, будто его целую неделю не кормили. Кукурузинка испуганно попятилась: чего доброго, этот лысый обжора мог и её проглотить.

Наверное, и минуты не прошло, а Боб уже покончил с едой. Поковыряв палочкой в зубах, он сонно забормотал:

— Ну, чего стоите? Работайте, работайте. Я немножко отдохну. Переварю пищу.

С блаженным вздохом Боб растянулся на земле. Подложил под голову портфель и тут же уснул. Из его широких ноздрей вырвался такой мощный храп, что куча кирпичей сразу же развалилась.

— Если он будет храпеть в нашу сторону, мы никогда не выстроим дом, — сказала Кукурузинка, укладывая рассыпавшиеся кирпичи.

Пахтачок подошёл к спящему Бобу. Потрепал его за плечо:

— Боб Бобыч, проснитесь, пожалуйста.

Боб не шевелился.

Пахтачок изо всех сил тряхнул его за плечи — тот не просыпался. Тогда Кукурузинка

стала потихонечку вытаскивать портфель из-под головы Боба. Боб сразу очнулся. Вцепился в портфель обеими руками и пронзительно закричал:

— Стой! Куда тянешь! Не смей! Стража! Караул! Грабят!

Его долго успокаивали, а потом попросили повернуться на другой бок. Боб повернулся и снова захрапел. Так он и проспал до позднего вечера.

БОБОВО СЕМЕЙСТВО

Пока Боб храпел, друзья сделали кирпичи, вырыли яму для фундамента. Потом они умылись, и Кукурузинка стала печь блины на ужин. От горячих блинов пошёл такой аппетитный запах, что у Пахтачка потекли слюнки. Он отвернулся от горки дымящихся румяных блинов и молча ждал, пока Кукурузинка закончит печь.

Аппетитный блинный дух долетел и до широких ноздрей Боба. Тот сразу перестал храпеть. Открыл глаза. Проворно вскочил. Подбежал к горке блинов, хлопнул в ладоши:

— Блинчики. Хорошо. Одобряю. Начали.

Схватил горячий блин, запихал его в рот и тут же потянулся за вторым блином. Не успели друзья опомниться, а Боб уже разделался с блинами. Сладко потянулся и по-кошачьи промурлыкал:

— Н-недурно, н-недурно. Теперь спать.

Улёгся на прежнее место и опять захрапел. А друзья долго ещё сидели и ждали, пока испекутся блины на ужин.

— Если этот Боб завтра же не уберётся отсюда подобру-поздорову, я его проучу, — сердито ворчал Пахтачок, укладываясь спать.

На утро Боб проснулся очень поздно. Он долго потягивался, чесался, кряхтел. Не спеша подошёл к строящемуся дому. Присел на камень и давай командовать:

— Клади сюда кирпич!.. Помажь его глиной!.. Пристукни лопаточкой!

Пахтачок не выдержал:

— Досточтимый Боб Бобыч! Нам не нужна ваша команда, но мы не откажемся от вашей помощи. Становитесь сюда. Будете мне кирпичи подавать.

Боб сделал вид, что не слышит.

— Эгей! — громче прежнего закричал Пахтачок. — Мы ждём вас, Боб Бобыч. Идите кирпичи подавать.

И снова Боб сделал вид, что не слышит.

Тогда друзья закричали вдвоём:

— Боб Бобыч! Идите помогать!

А Боб хоть бы ухом повёл. Сидит, выпученными глазами ворочает и ухмыляется. Потом прищурился и сладко засопел носом. Тут Пахтачок вполголоса и говорит:

— Пресная пища давно наскучила мне. Придётся зажарить Боба.

— Давай зажарим.

Ресницы у Боба мелко задрожали, тревожно блеснули глаза. Уши оттопырились. Он перестал сопеть.

— Взгляни на него: он лоснится от жира, — громко зашептал Пахтачок, — Какой сочный получится шашлык! Пальчики оближешь.

— А справимся мы с ним? — спрашивает Кукурузинка.

У Боба Бобыча лысина испариной покрылась. Колени задрожали мелкой дрожью. В горле запершило. Щёки побелели, и нижняя губа отвисла. Приоткрыл он глаза, с испугом на Пахтачка косится. А тот взял в руки кирпич и спокойненько говорит:

— Справимся. Сейчас Боб уснёт покрепче. Я к нему подкрадусь и стукну кирпичом по голой макушке — трах!

— Ах! — воскликнул Боб, вскакивая. — Ах!

— Что с вами? — удивилась Кукурузинка. — Сидеть устали? Ложитесь, вздремните.

— Нет, нет, — замахал руками Боб. — Какой там сон? Я совсем забыл. Меня ведь ждут. У меня дела. Надо руководить. Писать приказы. Вы уж трудитесь. А я... а мы... мы... — Он отступил на несколько шагов, повернулся и кинулся бежать.

— Ура! — закричали друзья.

Они были уверены, что Боб сюда больше никогда не пожалует.

Но не тут-то было.

Когда дом был уже совсем готов, а Кукурузинка с Пахтачком сидели на крыльце и думали, как бы им получше отпраздновать новоселье, послышалось знакомое сопение и фырканье. На бугор медленно вскарабкался Боб. За ним появилась круглая и толстая Бобиха. А позади неё семь бобят, один другого меньше.

Вся бобиная семья — впереди Боб Бобыч, за ним Бобиха, следом Бобёнок и остальные шесть бобят — двинулась к дому. Обошли его, оглядели, ощупали. Боб Бобыч указал на дверь тростью и важно проговорил:

— Домик неплох. Это мы отметим в приказе. Я как руководитель доволен. Теперь у этих мальцов будет крыша над головой. Вперёд бобята!

И семь бобят кинулись к двери. Не успели друзья сообразить, что же происходит, а бобята уже высунулись из окон и хором закричали:

— Папочка, иди скорей. Мы устроились!!!

— Как вам не стыдно! — возмутился Пахтачок. — Ведь мы строили этот дом совсем не для ваших бобят.

Боб Бобыч надулся, отставил ногу, упёрся кулаками в бока:

— Так вы хотите, чтобы этих бедных крошек я оставил под открытым небом? Не вый-

дет.

— Каждый уважающий себя сам заботится о своих детях. Почему вы не построили дом для своих бобят?

— Я же вам объяснил, — повысил голос Боб Бобыч, — моё дело — руководить!

— Тогда Пахтакоч решил прибегнуть к испытанному средству и, надвигаясь на Боба, спросил страшным шёпотом:

— А что, если ночью мы съедим вас вместе с бобятами?

Боб Бобыч побледнел, испуганно попятился к дому. А взбежав на крыльцо прокричал:

— Не выйдет! Нас девять, а вас только двое. Мы сделаем ставни на окна и запоры на двери. А потом я выяснил, установил, что вы оба — ха-ха! — не хищники. Вот так!

Он громко шмыгнул большим носом, тряхнул лысой головой и, размахивая портфелем, скрылся в доме.

СЕРАЯ РАЗБОЙНИЦА

Пришлось Кукурузинке с Пахтакочом новый дом строить. А наглый Боб ходил вокруг, тростью помахивал да ещё покрикивал:

— Работайте проворнее! Живее, живее!

Смуглые щёки Пахтакоча побелели от обиды.

— Эх — сокрушался он, — если бы не бобята, я живо выгнал бы его из нашего дома.

Однажды они штукатурили стены. Боб Бобыч, как всегда, стоял поодаль и громко командовал:

— Мажь потолще. Затирай поровнее. Во-о-о... — и вдруг умолк, будто подавился.

— Что с ним? — изумилась Кукурузинка.

Друзья оглянулись и увидели странную картину. Боб Бобыч сидел на земле, раскачи-

ваясь из стороны в сторону. Его жирные щёки стали синими. Рачьи глаза быстро вращались, что, казалось, вот-вот выпрыгнут из орбит. А из разинутого рта не вылетало ни звука.

Вот Боб Бобыч вскочил, будто его змея укусила. Кинул портфель. Отшвырнул трость. Повернулся и засеменил к дому. Да так, что вслед за ним пыль за клубилась.

С треском захлопнулась дверь за Бобом. Бах-бах-бах! — застучали закрываемые ставни. И наступила жуткая тишина.

— Что случилось? — Кукурузинка стала теревить рыжую косицу.

— Сейчас мы разгадаем эту загадку, — Пахточок огляделся. — Смотри! испуганно воскликнул он.

Под кустами полны стояла серая Мышь. Глаза у неё красные, злые. В оскаленной пасти торчали частые зубы.

Хотела Кукурузинка позвать травинок на помощь, да со страху позабыла заветные слова. Пахточок тоже перепугался.

— Бежим! — кричит, а сам пошевелинуться не может.

Мышь разинула зубастый рот и кинулась на друзей.

Опомнился Пахточок, схватил трость Боб Бобыча, выставил её перед собой, как пику. Мышь щёлк-нула зубами и раскусила трость пополам.

— Всё р-равно н-не спас-сётесь, — по-змеиному зашипела серая разбойница... — Обоих с-с-сьем.

— Подумаешь, какая храбрость — съесть двух малышей, — плаксивым голосом затянула Кукурузинка. — Да от этого и сыта не будешь. Только раздразишь себя. А если ты нас не тронешь, мы накормим тебя до отвала.

— Чем ты меня накормишь? — заинтересовалась Мышь.

— У нас в кладовой лежит большущая головка сыра...

— Преогромная, — поправил Пахтачок. — А ещё...

— Что там ещё? — Мышь облизнулась. Нетерпеливо переступила на месте. — Ну, что там у вас ещё? Говори. Не то мигом проглочу.

— Смилуйся! — Кукурузинка умоляюще сложила ладошки. — Всё расскажу. Ещё у нас есть кусочек масла величиной с мою голову. И даже...

— Живей. Не мямли! — прикрикнула Мышь.

— Кусище сахара. Такой большой, такой сладкий! Мы привезли его издалека. И всё берегли к празднику.

Мышь пошевелила усами. Подумала: «Перехитрю их. Сначала съем сыр, масло, сахар. А потом и самих слопаю». Довольно фыркнула. Оскалила в улыбке длиннющие зубы:

— Л-ладно. Не трону вас. Показывайте свои запасы. Да ж-живо. У меня от голода в животе урчит. Сыр — это хорошо! Масло и сахар — ч-чудесно! Скорее ведите в кладовую!

— Пошли. — Кукурузинка шагнула к своему недостроенному дому. Но вдруг остановилась. — Только, может быть, ты хоть что-нибудь и нам оставишь? Мы же помрём с голоду.

— Молчать! — взвизгнула Мышь. — Скажи спасибо, если оставлю тебе твою глупую голову.

Все трое помчались к дому.

Кукурузинка громко шепнула Пахтачку: — Пойдёшь вперёд. Спрячешь мешок с изюмом.

— Стой! — закричала Мышь. — Вперёд пойду я с-сама. Вы идите сзади. Открывай дверь!

Кукурузинка приоткрыла дверь.

Но едва Мышь перешагнула порог дома, как дверь с силой захлопнулась, защебив мышиный хвост.

— Ай! — дёрнулась серая разбойница. — Ой! Отпустите мой хвост, негодники. Я вас... Ой -ой- ой!

Друзья припёрли дверь обломком Бобовой трости. Взяли в руки по длинной хворостине и через окно влезли в дом.

Мышь сидела у дверей и жалобно скулила. Увидев хворостины, она угрожающе встопорщила шерсть. Защёлкала зубами. Зашипела:

— Н-не подх-ход-ди! На-з-зад! Про-гло-ч-чу!

— Разве можно глотать сразу двоих? Подавишься, — засмеялся Пахтачок. — Сейчас ты убедишься, что мы умеем держать своё слово. Мы обещали накормить тебя сыром и сахаром. На, получай!

И они принялись стегать разбойницу прутьями, приговаривая:

— На других не нападай, не воруй, не угрожай! За разбойничьи повадки нашу плату получай!

Мышь визжала, пищала. Ругалась, брыкалась. А друзья знай себе стегали да стегали её прутьями.

Обалдев от боли, зубастая хищница так рванулась, что оторвала хвост и пулей вылетела в окно. Раз пятнадцать перевернулась она через голову и бросилась наутёк. А вслед ей Пахтачок с Кукурузинкой кричали:

— Лови!

— Держи!

— Догоняй!

— Ха-ха-ха-ха!

— Вот так бы всех разбойников проучить... — Пахточок стёр со лба крупные капли пота.

— Больше сюда не сунется! — Кукурузинка отшвырнула прут и, пританцовывая, запела:

Мы не боимся
Серых мышей,
Лучше не троньте
Нас малышей.
Тра-ля-ля-ля,
Вот она я —
Мала и кругла,
Как бусинка.
С врагами дерусь,
С друзьями смеюсь.
Я — Ку-ку-рузинка!

Послышался скрип. Это Боб Бобыч вышел на крыльцо. Увидев смеющихся друзей, он важно надулся и громко проговорил: — Фу! Кажется, схлынула жара.

— Так это вы от жары улепётывали? А мы думали, от Мыши, — сказала Кукурузинка.

— Какая Мышь? Никто не осмелится напасть на меня. Я не простой Боб! Но где моя трость?

— Придётся вас огорчить. Но что поделаешь? Пока вы отдыхали, ваша трость из одной большой превратилась в две маленькие. — И Пахточок протянул Боб Бобычу половинки трости.

— Кто смел сломать мою трость? — рявкнул Боб.

- Та самая Мышь, от которой вы только что улепётывали.
- Я ещё раз повторяю, что никогда ни от кого не бегал. Я — это я и...
- Батюшки! — ахнула Кукурузинка. — Спасайтесь. Она вернулась.
- Кто? — выкатил глаза Боб Бобыч.
- Мышь!
- А-а-а! — Боб разинул рот да так и не смог его закрыть.

Повернулся и ринулся к дому. Да, на беду, наступил на развязавшийся шнурок. Хлопнулся животом в пыль и завопил:

— Спасите! Погибаю! Сюда!

Друзья вдоволь посмеялись над жирным хвастунишкой. И снова принялись за работу. Скоро они позабыли о серой разбойнице.

А зря.

РЕПЬ РЕПЬЁВИЧ

Едва успели друзья выстроить себе другой дом, как на бугре появился ещё один незнакомец.

Он походил на ежа — небольшой и колючий. Его шляпа, плащ и даже башмаки были густо покрыты острыми тонкими шипами. На спине возвышались огромные счёты: костяшки на них перекатывались с места на место, дребезжали и щёлкали.

Колючий незнакомец подошёл к дремавшему на крыльце Боб Бобычу. Снял усеянную шипами шляпу.

— Здравствуйте — пожалуйста. Раз, два, три, четыре — я хотел бы жить в квартире. Восемь, семь, шесть, пять — буду здесь я зимовать.

— Кто таков? — Боб Бобыч надул губы и важно посмотрел на пришельца.

— Репь Репьёвич, — отрекомендовался гость.

А что ты можешь делать? — повысил голос Боб Бобыч и запыхтел.

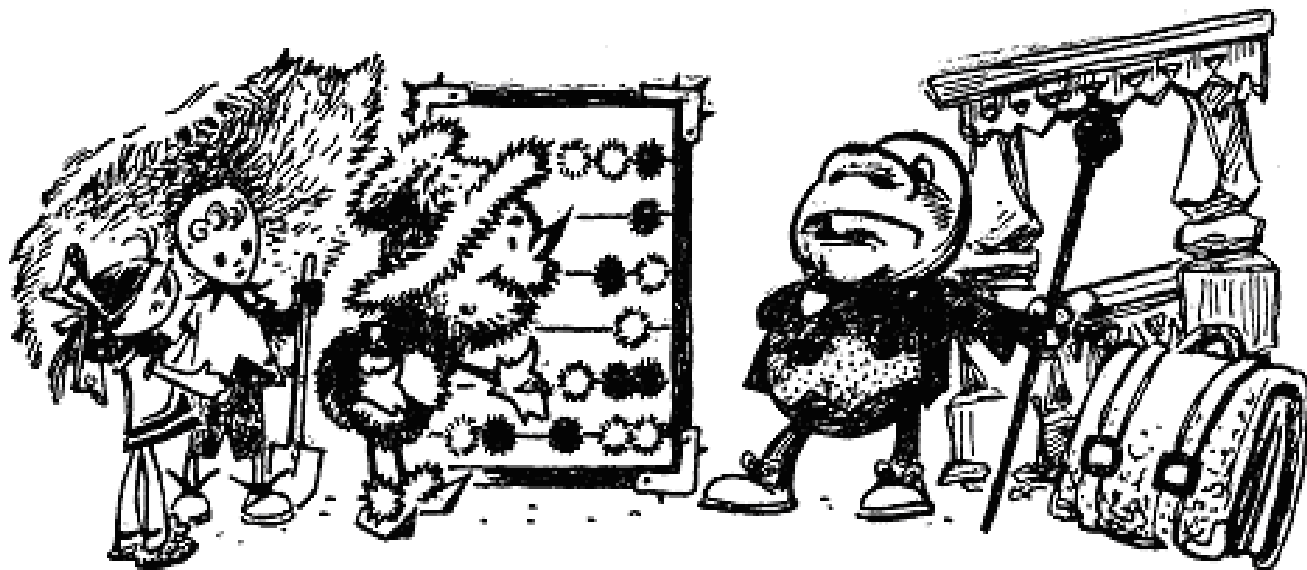
Репь Репьёвич с грохотом скинул на землю громадные счёты. Ударил по ним кулаком. Счёты задребезжали, зазвенели, и под шум Репь Репьёвич пропел тонюсеньким голоском:

Журавлей и Журавлих
Мчится в небе стая.
Кто в одно мгновенье их
Всех пересчитает?
Вон стоит кудрявый клён,
Головой качает.
Сколько листьев держит он,
Кто пересчитает?
Возле лужи дождевой
Серый дрозд гуляет.
Сколько капель в луже той,
Кто пересчитает?
Сколько в небе по ночам
Ярких звёзд сияет,
Сколько их погасло там,
Кто пересчитает?
Не хвалясь, хочу сказать:
Я могу пересчитать.

Репь Репьёвич снова ударил кулаком по счётам, и они так затрещали, что Боб Бобыч испуганно попятился.

Несколько минут все молчали. Потом Пахточок выступил вперёд:

— Ответьте, пожалуйста, мне на один вопрос: а строить дома, копать канавы, стеклить

окна или варить обед вы можете?

— Раз, два, три, четыре, пять — начался расспрос опять. Рядом цифры шесть и семь — я отвечу сразу всем. И пилить, и копать, и рубить, и пахать, и косою махать я умею. Заодно подсчитать, рассчитать, сосчитать — всё поспею.

Боб Бобыч слез со ступенек, степенно подошёл к Репь Репьёвичу. Надул жирные щёки и медленно проговорил:

— Я решил: счетовод нам необходим. А теперь ему надо построить дом. Иначе он погибнет от дождя или его унесёт ветер. Об этом сегодня же будет издан специальный приказ.

Репь Репьёвич поклонился Бобу.

— Шестью восемь — сорок восемь, все сомнения отбросим. Пятью десять — пятьдесят, я у вас работать рад. Покажите, где мой дом, размещусь я быстро в нём.

— Дом надо ещё построить,— ответила Кукурузинка. — Места много. Глины — целая гора. Снимайте пиджак, берите лопату и принимайтесь за работу.

Репь Репьёвич снова склонился над счётами.

— Сначала я должен всё подсчитать. — Он проворно защёлкал колючими костяшками, приговаривая: — Четыре стены быть в доме должны. В каждой стене — сто кирпичей, да надо сто штук на постройку печей. Стало быть нужно пятьсот кирпичей. Теперь бы их вес подсчитать надо нам. Каждый кирпичик весит пять грамм...

Все разошлись, а Репь Репьёвич всё ещё стучал костяшками, что-то бормотал, считал и пересчитывал.

Когда наступило время обеда, Репь Репьёвич неожиданно появился в доме Кукурузинки и Пахтачка. Он брякнул на скамейку счёты. Подошёл к столу. Заглянул в чугунок с кашей.

— О как много каши здесь! Вам вдвоём её не съесть. Тут крупинок тысяч пять. Нелегко их разжевать. Ведь всего два рта у вас. Так поделим всё сейчас. Пять на два делить не просто...

— Ой, — взмолилась Кукурузинка, — пока вы всё поделите да помножите, каша остынет. Садитесь-ка лучше обедать.

Репь Репьёвич не стал ждать повторного приглашения и подсел к столу. Подцепив полную ложку каши, он пробормотал:

— Тридцать одна крупинка, — и сунул ложку в рот.

Пообедав, Репь Репьёвич сказал:

— Теперь вы позвольте мне подсчитать сколько минут нам до ужина ждать?...

КАК ПЕРЧИК ПРОУЧИЛ БОБА

Прошло несколько дней. И однажды на бугре появился целый отряд новосёлов.

Были тут и Плотник Орешек, и маляр Горошек, и стекольщик Маковка, и трубочист Перчик, и многие другие.

Кукурузинка и Пахтачок очень обрадовались пришельцам. Скоро они подружились со всеми. Но больше других им пришёлся по душе маленький, вёрткий Перчик. Он был задиристый, никому не прощал обид и говорил только правду.

Перчик носил ярко красную куртку и такой же красный колпак с кисточкой. Работая, он всегда вполголоса напевал свою любимую песенку:

Порой бываю в саже
От головы до пят.
Мной воробьи даже
Пугают воробьят.
Но и сейчас, как прежде,
Мне сажа не страшна:
Пусть чёрна одежда,
Зато светла душа.

Пока в городе нет печей — трубочисту, что делать? И Перчик помогал строителям. Он подносил глину, клал печи, красил заборы.

Вскоре Перчик познакомился с Боб Бобычем. Это было необыкновенное знакомство. Вот как оно произошло.

Перчик месил глину, когда увидел, как по улице важно шествует всё многочисленное бобовое семейство. Впереди, размахивая портфелем и тростью, шёл Боб Бобыч. За ним шаром катилась толстая Бобиха. А позади неё чинно выступали семь бобят.

— Смотрите! — радостно закричал Перчик и замахал красным колпаком с кисточкой.

— К нам идёт пополнение. Всё бобовое семейство явилось на стройку. Милости просим. Боб Бобыч, кладите портфель и трость, берите лопату. А ваша супруга с бобятами пускай подают кирпичи.

Боб Бобыч даже головы не повернул.

— Никогда не думал, что Бобы так плохо слышат, — изумился Перчик.

— Напрасно удивляешься, — сказал Пахтачок. — Боб не слышит, когда ему кричат: «Дай!», но зато слышит, если ему шепчут «На».

— Понял, — рассмеялся Перчик. — Сейчас мы это проверим. Эй, Боб Бобыч! Не проходите мимо! Приглашаем ваше семейство на пир по случаю закладки нового дома. Чуете, жарким пахнет?

Широкие ноздри Боба раздулись. Он долго нюхал воздух. Потом поманил Бобёнка и что-то ему шепнул. Тот со всех ног кинулся к своему дому. А через минуту Бобёнок уже вернулся, таща охапку ложек. Боб Бобыч выбрал себе самую большую ложку, остальные роздал бобятам, и после этого все направились к Перчику.

— Ну что же, — важно проговорил Боб Бобыч, подходя. — Так и быть. Мы со своим семейством согласны принять участие в вашей обеде. Скажите поварам: пускай подают жаркое. — И он облизнулся. — Мы готовы. Можно начинать.

— Вот сейчас достроим фундамент и начнём, — не моргнув глазом, ответил Перчик. — А пока сложите ложки в кучу и беритесь за дело. Поработаем.

Боб Бобыч смерил Перчика надменным взглядом. Выпученные глаза Боба налились кровью, большущий нос раздулся и стал походить на поросёный пятачок.

— Ты, видно, не знаешь, с кем разговариваешь. Да будет тебе известно: Я — Боб Бобыч. Понятно? Не плотник, не печник и не каменщик...

Он вынул из кармана свой неизменный, похожий на простыню, клетчатый платок и

так громоподобно сморкнулся, что у Перчика лопата выпала из рук.

Погладив ладонью круглую, сверкающую лысину Боб Бобыч заговорил тем же властным голосом:

— Тебе, как новичку, я прощаю эту дерзость. Но в последний раз. Сегодня же познакомься с моим приказом номер две тысячи сорок два. Там отмечены все мои чины и заслуги. Заруби себе на носу: Я — это я. Прошу не смешивать меня с кем-нибудь другим.

Перчик усмехнулся и с деланной почтительностью спросил:

— Позвольте вам задать один вопрос? кто сказал, что вы не простой, обыкновенный Боб, а важная персона?

— Я сам знаю! Я сам говорю! Могу, например, сказать, что ты — дерзкий, и наглый задира! Ха-ха-ха! Ха-ха-ха!

Вслед за ним засмеялась Бобиха, захихикали бобята.

Когда они вдоволь насмеялись, Перчик, лукаво подмигнув стоящим вокруг приятелям, смиренно спросил Боба:

— А можете ли вы всю эту глину превратить в кирпичи, а из кирпичей построить дом?

— Могу, — гордо ответил Боб Бобыч.

Он не спеша положил на землю портфель и трость. Упёр кулаки в бока. Надул щёки так, что они стали походить на воздушные шары, и закричал:

— Ну-ка! Все живо! Беритесь за дело! Хватайте, мните, мажьте.

— Значит, хватать? — переспросил Перчик.

— Хватайте, — подтвердил Боб Бобыч.

— Мять?

— Мните.

— Мазать?

— Мажьте.

— Ну что ж. Для нас ваши слова — закон.
Берись, ребята. Раз, два, три!

Все подбежали к Боб Бобычу. Схватили
его, повалили на землю и принялись мять.

А Перчик напевал:

Мните, мните, не зевайте,
Посильнее разминайте.
Чтобы стал помягче Боб,
Подобрел немного чтоб.
Чтоб он гнулся, не ломался,
Чтоб работы не боялся.

— Пустите меня, негодяи! — кричал Боб
Бобыч. — Что вы делаете! Как смеете. Я вас...

Но его никто не слушал. Как следует намяв
ему бока, все принялись мазать его глиной. А
Перчик снова запел:

Мажьте гуще, мажьте вязче,
О других чтоб думал чаще,
Чтоб от лени не рассохся,
От безделья не задохся,
Чтоб не лопнул ото сна —
Смазка крепкая нужна.

Боб Бобыч брыкался руками и ногами. По-
щенячьи визжал. Угрожал Перчику расправой.

Но Перчик не обращал на это никакого внимания. Только допев песенку до конца, он сказал:

— Теперь положите его на землю и отойди-те в сторону.

Все так и сделали.

Боб Бобыч кряхтел, стонал и плевался.

— Надеюсь, вы убедились в нашем послушании? — шутливо поклонился Перчик лежащему Бобу. — Мы сделали всё, что вы приказали. Схватили, помяли и намазали. Есть ли другие указания?

Боб Бобыч молчал, опасливо поглядывал на улыбающихся друзей Перчика. Потом он тихонько приподнялся с земли и, схватив портфель и трость, кинулся со всех ног наутёк. За ним семенила Бобиха, улепётывали бобята. А вслед им хохотали и свистели плотники, каменщики, маляры.

ВОТ ТАК ПОПОЛНЕНИЕ!

Рано начинался трудовой день у Кукурузинки и её друзей. Солнце ещё только поднялось над землёй, а на бугре уже кипе-

ла работа. Слышались весёлые голоса, смех, песня.

Вдруг стало тихо-тихо. Все повернулись в одну сторону и замерли в изумлении.

Посередине дороги, переваливаясь с боку на бок, медленно вышагивала пузатая Тыква. Она вела на цепи огромного Скорпиона. Тот щёлкал клешнями, угрожающе размахивал ядовитым хвостом. Хвост у Скорпиона длинный, загнутый крючком. А на конце крючка жало. В нём спрятан смертоносный яд.

Следом за Тыквой двигался обоз с её добром. К каждой телеге было привязано ещё по одному Скорпиону. Они царапали клешнями землю, норовя ужалить прохожих.

Позади обоза выступал муж Тыквы — Жан Баклажан. Он тоже был толстый, но высокий, в длинном тёмно-синем кафтане нараспашку. Жан дремал на ходу и шаркал по земле сапогами, поднимая клубы коричневой пыли.

— Вот так пополнение! — сказал Перчик, сдвигая на макушку красный колпак, и направился было к Тыкке.

Но та, увидев его, завопила:

— Стой! Ни с места! Дубиной угощу. Скорпиона спущу. Не шевелись!

Скорпионы, услышав голос хозяйки, как будто взбесились. Они защёлкали клешнями, зашипели и нацелили ядовитые хвосты прямо на Перчика. А Тыква пуще прежнего махала руками и кричала:

— Не шевелись! Не подходи! Не тронь!

— Кто она? — удивлённо спросила Кукурузинка.

Послышалось дребезжание счёта и надтреснутый голос Репь Репьёвича:

— Шестью шесть — тридцать шесть. В каждом доме мусор есть. В каждом поле есть сорняк. Может, скажете, не так?

— Значит, она — сорняк? — повернулась Кукурузинка к Репь Репьёвичу. — Почему?

— У неё жадный глаз — это раз. Очень лживые слова — это два. Всех обманет, всё продаст, недовесит, недодаст.

Пока новосёлы обсуждали это событие, Жан разгрузил имущество. Тыква сидела на камне, наблюдала за Жаном и поминутно вздыхала:

— Охо-хо-хо! Охо-хо-хо!

Тут перед ней появился Навозный Жук. Он был большой и грязный. Скорпионы накинулись было на Навозного Жука, да Тыква их отогнала.

— Отползи подальше, — сказала она Навозному Жуку. — От тебя плохо пахнет. Зачем ты приполз?

— Тебе на новом месте нужен дом...

— И сад, — добавила Тыква.

— Вот, видишь, и сад...

— И рынок, — снова вставила Тыква.

— Всё ясно, — захихикал Навозный Жук. — Ты ж торговка, а торговки без рынка не живут. Значит, тебе нужны дом, сад и рынок. А нам денежки. Знаешь нашу песенку?

Мы, Навозные Жуки,
Очень любим пятаки.
Мы бесплатно не чихнём,
Не вздохнём и не шагнём.
Вот и ты за каждый шаг
Будешь нам платить пятак.

— Где же я наберусь пятаков? — забеспокоилась Тыква.

— Ну и сиди на своём добре, — сказал Навозный Жук. — Сама ты не будешь работать: толста и ленива. Жан тоже ничего не сделает: он на ходу спит. А новосёлы ни за какие деньги не будут строить тебе ни дом, ни рынок. Они бездельникам не помогают. Прощай.

— Куда ты? — всполошилась Тыква. — Веди своих жуков, и стройте. Да как следует. Я заплачу.

— Сначала срядимся, — деловито предложил Навозный Жук.

И они стали рядиться.

Навозный Жук и в самом деле за каждый шаг требовал пятак. Сделал кирпич — пятак. Поднёс к месту стройки — опять пятак. Положил кирпич в стену — снова пятак. И так за всё — пятак, пятак, пятак...

Тыква бранилась, спорила, кричала и даже плакала от жадности. Ничего не помогло. Пришлось ей раскошелиться. Получив деньги, Навозный Жук уполз и скоро вернулся с целой сворой жуков. Они в несколько дней выстроили большой-пребольшой дом, такой же круглый и пузатый, как сама Тыква. Вокруг дома разбили сад. Дом и сад обнесли высоченным забором. Потом на месте, облюбованном Тыквой, навозные жуки построили крытый рынок.

Когда для Тыквы было всё построено, навозные жуки уползли невесть куда.

Больше их никто не видел.

СНОВА СЕРАЯ РАЗБОЙНИЦА

Ночью прошёл сильный дождь. Все недостроенные дома размокли и развалились. Потоки дождевой воды подхватили стекольщика Маковку и понесли неведомо куда. Если бы плотник Орешек вовремя не подоспел на выручку, стекольщик наверняка погиб бы в мутных дождевых волнах.

Наутро новосёлы собрались подле размытых и разрушенных домов. Вид у всех был унылый.

— Придётся начинать сначала, — грустно сказал плотник Орешек.

— А ночью опять может пойти дождь и всё размочит, — проворчал стекольник Маковка.

— Сколько ни хандри, дом не гриб, сам не вырастет. — Пахтачок сдвинул на макушку пушистую шляпу. — Надо работать.

— Верно! Дождь не дождь, а строиться надо! — весело закричал Перчик. — Чего носы повесили? Ну? — Перчик первым скинул свою ярко-красную куртку...

— Погодите, тут надо подумать, — сказала Кукурузинка, дёрнув себя за рыжую косичку. Потом она нахмурила выпуклый лоб, наморщила носик-пуговку, опустила длинные жёлтые ресницы и задумалась.

— Я, кажется, кое-что придумала, — сказала она немного погодя. — Будем все вместе строить один дом. Общими силами мы за день выстроим стены и покроем крышу. Тогда нам не страшен никакой дождь.

Все согласились с ней. Строители сразу повеселели. Дружно взялись за дело. Кто-то запел песню. Её подхватили.

Откуда-то из-за бугра донёсся пронзительный крик:

— Помогите!

Песня оборвалась. Все с тревогой повернулись на крик.

На бугор взбежал маляр Горошек. Он был без шапки. Волосы на голове растрепались. Правый рукав куртки оторван. Одна нога в башмаке, другая — босая.

Не успел бедный Горошек пробежать и двух шагов, как следом за ним на бугор выскочила серая бесхвостая Мышь. Глаза у неё горели, как угли. В зубах торчал рукав от куртки маляра.

Все замерли от страха, словно окаменели.

Только Кукурузинка не растерялась. Она сразу узнала серую разбойницу.

— Чего мы стоим! — закричала Кукурузинка. — Скорее на помощь Горошку! — и первой кинулась навстречу опасности.

За ней поспешил Пахтакоч.

Хватая на ходу всё, что попадётся под руки, рабочие бросились следом.

Тут из толпы вынырнул счетовод Репь Репьёвич и сунул в оскаленную Мышиную пасть свои колю-чие счёты, проговорив при этом:

— Ну-ка, злюка, счёты кушай да мои расчёты слушай. У тебя четыре лапы и совсем короткий хвост, я сейчас колючей шляпой проколю тебя насквозь.

Репь Репьёвич сорвал с головы шляпу, усеянную острыми шипами, и изо всех сил хлопнул ею по Мышиной спине. Мышь взвизгнула от боли, выплюнула счёты и кинулась на бесстрашного счетовода. Ткнулась в него носом, укололась и отпрыгнула. Тут Перчик ударил её своим колпаком и засыпал ей глаза горьким перцем.

Мышь волчком закрутилась на месте. Зачихала, заскулила и кинулась прочь.

Плотник Орешек изловчился и, когда Мышь пробежала мимо, отрубил ей ухо.

На склоне бугра Мышь остановилась. Повернулась. Глянула на Кукурузинку налитыми кровью глазами, по-змеиному зашипела:

— Вс-сё р-равно в-вам н-не с-спастись. З-за вс-сё отом-щу. Н-ас много.

— Сейчас я ещё разок угощу тебя своими счётами! — угрожающе закричал Репь Репьёвич.

Бесхвостая разбойница скрылась.

Все радовались победе. Хлопали в ладоши, смеялись, обнимали друг друга. Потом принялись качать Кукурузинку, Перчика, плотника Орешка. Репь Репьёвича качать не стали: он такой колючий, что до него страшно дотронуться. Зато его долго и горячо благодарили. Он кланялся, смущённо бормоча:

— Руки сильные у нас — это раз. Не пустая голова — это два. Сердце храброе в груди — это три. Жить хотим со всеми в мире — вот четыре. За себя готовы постоять — это пять.

Только маляр Горошек не разделял общего веселья. Казалось, он был совсем не рад своему спасению. Перчик хлопнул приятеля по плечу:

— Эй, дружище! Чего нос повесил?

— Чему радоваться, — уныло проговорил Горошек, — разбойница расскажет о нас другим мышам. Они соберутся стаей и нападут. Тогда мы не устоим.

На бугре сразу стало тихо. Кукурузинка посмотрела на мрачные лица товарищей, и её голубые глаза наполнились грустью. Дёрнула она себя за рыжую косицу раз, дёрнула два — задумалась. Но ненадолго. Вот она вскочила на камень и закричала:

— Придумала, придумала! Я сейчас же вызову травинок и пошлю их к Старшему Травинке. Пускай все они идут к нам жить. Тогда нам никакие мыши не страшны.

ГОРОДОК НА БУГРЕ

Ранним утром всех разбудила громкая песня травинок:

Мы дружные травинки,
Шагаем в ряд,
Зелёные ботинки
Поют-скрипят...

На бугре появились стройные колонны травинок. Впереди выступали трубачи и барабанщики. Звонко пели длинные зелёные трубы. Грохотали барабаны.

Позади травинок шли портной Соломинка и учитель Одуванчик.

Ох как шумно и весело встретили их новосёлы! Даже Боб Бобыч с семейством вышел

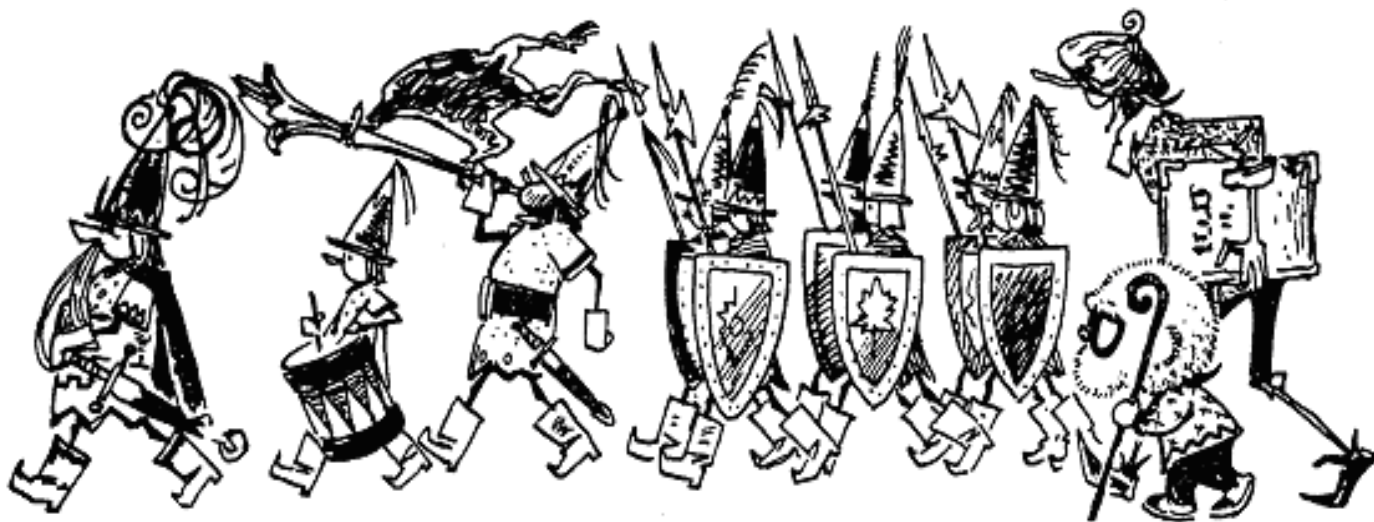
на крыльцо. Он вынул из кармана свой огромный носовой платок и принялся им махать.

И пузатая тётя Тыква приковывалась на шум. Она стояла в стороне и сладко посапывала, вроде бы дремала. Но маленькие, заплывшие жиром, глазки Тыквы так и бегали.

— Ого, — довольно бормотала она, — сколько их! Есть кому продавать, есть кого обсчитывать. Разбогатеет!

Между тем Старший Травинка, портной Соломинка и учитель Одуванчик обнялись и расцеловались с Кукурузинкой. Потом они познакомились с Пахтачком, Перчиком, Репь Репьёвичем и другими новосёлами.

Расправив пышные усы, Старший Травинка спросил Кукурузинку:

— Как называется ваш город?

Все недоумённо переглянулись. В самом деле, как же он называется? Пришлось сказать гостям, что город ещё не имеет названия.

— Это не беда. Давайте сейчас же сообща придумаем ему название, — предложил учитель Одуванчик.

— Я уже придумал, — послышался голос Боб Бобыча, и толстяк протиснулся вперёд.

— Как же вы предлагаете назвать город? — поинтересовался Одуванчик, разглядывая Боба сквозь круглые роговые очки.

А тот, важно выпятив живот, раздул щёки и торжественно произнёс:

— Предлагаю назвать его Бобгород. Моя семья первой поселилась в этом городе. Мой

дом был первым домом на этом бугре. И сам я — первый Боб во всём бобовом роде.

Тут, словно из-под земли, вынырнул Перчик и тихо, чтобы слышал только Боб Бобыч, проговорил:

— Хватай, мни, мажь.

Боб Бобыч крутнул головой, будто его оса укусила, испуганно огляделся по сторонам. Увидев Перчика, он побледнел и бочком-бочком стал выбираться из толпы. А Перчик двигался за ним следом и всё приговаривал:

— Хватай, мни, мажь.

Боб Бобыч энергично заработал локтями и, выбравшись из толпы, затрусил к своему крыльцу.

— Так как же назовём город? — спросил Старший Травинка.

Никто не ответил ему.

«И чего они мудрят? — думала Тыква. — Назвали бы свой город Купи-продай. Славно было бы, каждый спешил бы сюда за покупками. Вот поторговали бы мы, поднажились».

Но сказать об этом вслух Тыква не посмела.

— Раз, два, три, четыре, пять — разрешите мне сказать, — раздался надтреснутый голос Репь Репьевича. — Чей над этим над бугром первый вверх поднялся дом? Первым кто сюда пришёл? Кто здесь первый новосёл?

— Кукурузинка!

— Пахтакоч! — раздались голоса.

— В благодарность им, друзья, предлагаю город я Кукурпахом назвать — раз, два, три, четыре, пять.

— Кукурпах — хорошее название, — проговорил Одуванчик и улыбнулся. — Пусть наш город так и называется.

Все закричали.

— Верно!

— Правильно!

— Согласны!

— Ну, а теперь, — твёрдо сказал Старший Травинка, — все за дело. Надо, чтобы Кукурпах был самым красивым городом на земле.

Травинки сняли шлемы и рубахи. Сложили в кучу щиты, копья, мечи.

Вместе с ними взялись за дело и все жители Кукурпахы. Все, кроме Тыквы и Боб Бобыча с его многочисленным семейством.

Одни строили дома, другие возводили крепостную стену вокруг города, третьи мостили улицы. При этом строители дружно пели задорную песенку:

Скоро город расчудесный
Засияет на бугре.
Всех
Весёлых,
Смелых,
Честных
Мы берём в друзья к себе!
Приходи на помощь, друг,
Становись-ка в общий круг.
Будем новый город строить,
Не жалея сил и рук.

Прошло несколько дней, и на вершине бугра вырос новый город. Он ярко сверкал на солнце разноцветными крышами домов и стёклами больших окон.

Скоро слава о Кукурпахе разнеслась далеко. С каждым днём в городе становилось всё больше и больше жителей.

ЭЙ, ВОДОНОС!

Нежданно-негаданно пришла беда. В городе не стало воды. Почему это случилось — никто не знал, но только высохли вдруг городские колодцы. А без воды как проживёшь? Ни умыться, ни постирать, ни сварить обед. Правда, у подножия бугра было небольшое озеро. Но попробуй-ка поноси из него воду. Бугор высокий, крутой. Пока с него спустишься да обратно с полными вёдрами поднимешься — целый день пройдёт. А сколько труда!

Только в колодце Тыквы была вода. Но и сам колодец, и ворота Тыквиного двора всё время были на запоре. А когда Тыква узнала, что городские колодцы высохли, она сразу же повесила на заборе объявление: «Здесь продаётся мокрая вода по пятаку за кружку». И те, кому не под силу было носить воду из озера, покупали её у Тыквы.

Приуныли горожане.

Собрались Кукурузинка, Пахтачок, Репь Репьёвич, Перчик, Старший Травинка и все вместе пришли за советом к старому Одуванчику.

Седоголовый Одуванчик долго молчал. Остальные тоже молчали.

Перчик, задумавшись, снял с головы колпак и хлопнул им по колену. С колпака слетели мелкие перчинки и закружились в воздухе. Не прошло и минуты, как Кукурузинка прикрыла нос ладошкой и давай чихать.

— Уж не простудилась ли ты, Ку... — начал Пахтачок и не договорил. — Апчи, апчи!

— Что это с вами? — спросил Старший Травинка. — Да вы... апчи!.. апчи!..

Тут и Репь Репьёвич и Одуванчик расчихались.

— Это я во всём виноват, — извиняющимся голосом заговорил Перчик. — Какой же я осёл!..

— Стой! — поднял руку Одуванчик. — Я... апчхи!.. вспомнил... апчхи! Кажется, есть выход... апчхи!.. из нашего положения...

Все начихались до слёз, а потом Одуванчик сказал:

— Видите, как бывает в жизни. Не тряхни Перчик колпаком — мы бы не расчихались, он бы не назвал себя ослом, и, значит, я ничего бы не вспомнил.

— А что вы вспомнили? — нетерпеливо спросила Кукурузинка.

— В каждом пруду и озере живут водяные ослики. Они наверняка есть и в нашем озере. Надо пойти и попросить их помочь городу. Водяные ослики добрые и трудолюбивые. Они целые дни носят воду — поят жучков и букашек. Если они согласятся быть городскими водоносами, мы спасены.

— Спасибо, учитель, за совет. — Кукурузинка поклонилась Одуванчику. — Мы сейчас же отправимся к осликам.

Пришли к озеру, огляделись. Никого не видно. Постояли, подождали — никто не пришёл. Тогда Пахтачок, Кукурузинка и Старший Травинка пошли по берегу налево, а Репь Репьёвич и Перчик — направо. Обошли озеро вокруг, а осликов так и не встретили.

— Как же быть? — устало спросила Кукурузинка, теребя рыжую косицу.

Никто ей не ответил. Пахтачок в задумчивости приложил ладошку ко лбу. Перчик теребил кисточку красного колпака. Старший Травинка завивал в кольца зелёные усы.

Так, в унылом молчании, они простояли довольно долго. Но вот Репь Репьёвич сделал шаг вперёд, кинул под ноги счёты, стукнул по ним колючим кулаком и заговорил:

— Мы стоим уже целый час — это раз. Дремлет наша голова — это два. Надо думать,

не дремать. Дело делать — не стоять. Выше голову, друзья, кое-что придумал я.

С этими словами он схватил счёты и давай ими по воде шлёпать. Заволновалась, запестрила рябью поверхность озера. Тут из него вынырнул маленький проворный паучок и сердито закричал:

— Вы что делаете? Зачем чистую воду мутите, озёрную тишь нарушаетё, водяных жильцов пугаете?

— Извините, пожалуйста, не знаю, как вас звать-величать...— начала Кукурузинка.

— Я — Водомерчик, — представился паучок.

— Извините нас, Водомерчик. Случилась большая беда. Только водяные ослики могут спасти наш город. Позовите их сюда, пожалуйста.

— А что за беда?— полюбопытствовал Водомерчик.

Пришлось рассказать ему, какое не счастье постигло жителей Кукурпахы.

— Ах, какое горе! — Водомерчик повернулся и нырнул в воду.

Не успели друзья и словом обмолвиться, а Водомерчик уже вернулся. И вслед за ним на берег вышли пятьдесят водяных осликов.

Ты, конечно, знаешь, как выглядит обыкновенный ослик. Он — как маленькая лошадка. У него длинные уши, хвост и четыре ноги.

Водяной ослик вовсе не похож на лошадку. Он похож на жучка. У него нет длинных ушей, но зато двенадцать ног. Нет у водяного ослика и хвоста, но зато есть усы. А самое главное — у каждого водяного ослика висят на спине по два бурдюка с чистой прохладной водой.

Ты не знаешь, что такое бурдюк? Так называют кожаный мешок. В нём очень удобно носить воду. Из завязанного бурдюка вода не выплеснется, и в нём она долго остаётся холодной.

У водяных осликов был вожак. Самый большой и самый сильный из них. У него на спине висело не два, а четыре бурдюка с водой.

Чем мы можем услужить добрым жителям Кукурпах? — спросил вожак.

— Беда у нас, — ответила Кукурузинка. — Пересохли все колодцы. Не согласитесь ли вы быть городскими водоносами и доставлять в Кукурпах воду? Мы с радостью примем вас в нашу дружную, весёлую семью.

— Мы — труженики, — с гордостью проговорил вожак водяных осликов, — и вы — труженики. Значит, мы друг другу братья. А брат брату всегда поможет. Принимаем ваше предложение. Теперь в Кукурпах вдоволь будет прозрачной холодной воды. И жителей напоим, и сады и цветники польём.

— Спасибо, — сказал Пахтакоч, приложив левую руку к груди. — Большое спасибо от всех нас.

Тогда вожак крикнул своим товарищам:

— Бурдюки у всех полны?

— Полны! — хором ответили ослики.

— А чиста ли в них вода?

— Как хрусталь!

— Холодна ли в них вода?

— Будто лёд!

— А вкусна ли та вода?

— Словно мёд!

— Тогда запевайте нашу песню и пошли.

Водяные ослики выстроились в цепочку. Вожак подал знак — и ослики грянули песню:

Звенит, поёт, смеётся

Водичка в бурдюках.

Она на волю рвётся,
Не удержать никак.
Буль-буль...
Хрустальной змейкой
Скользнёт в стакан вода...
Эй водонос,
скорей-ка!
Эй водонос,
налей-ка!
Эй водонос,
сюда!

Жители Кукурпаха встретили осликов-водоносов радостными криками.

МЕРИ КОВКА И ПИТЕР УШКА

— Смотрите, смотрите, к нам идут какие-то иноземцы?

Все посмотрели туда, куда указывала Кукурузинка.

По улице, взявшись за руки, медленно вышагивали странные существа. Они шли, сутулясь, раскачиваясь из стороны в сторону, ни на кого не глядя. Оба были одеты необыкновенно. Но не это поразило горожан. У незнакомцев были ярко-зелёные волосы до плеч. Красные брови и синие ресницы. А у одного в придачу кустилась на подбородке голубая борода.

— Десять ты умножь на три, тридцать раз глаза протри. Всё равно не будешь знать, кто они и как их звать. — Репь Репьёвич стукнул по счётам колючим кулаком.

— Позвольте, — Одуванчик поправил на носу очки и устремил взгляд на незнакомцев, бормоча: — Интересные создания. Таких я ещё не видел. Что за диковинные

существа? Странно... Странно...

— Давайте у них спросим,— предложила Кукурузинка и шагнула навстречу пришельцам.

— Постой! — опередил её Перчик. — Я их узнал. Это же Морковка с Петрушкой. Ишь как они вырядились, как накрашились!

Перчик поправил красный колпак с кисточкой, застегнул куртку и двинулся навстречу Морковке с Петрушкой.

Когда до них осталось всего два шага, Перчик помахал в воздухе колпаком и звонко крикнул:

— Привет, Петрушка! Здравствуй, Морковка! Мы рады видеть вас...

— Салют! — перебил его Петрушка. Он сунул руки в карманы узеньких, в цветную клетку брюк. Отставил ногу. — Только вы ошиблись. Я — Питер Ушка. А эта дама... О, она Мери Ковка!

Перчик подмигнул товарищам и, изобразив на лице почтение, вежливо спросил:

— А вы надолго к нам? Работать или отдыхать?

— О да! То есть, о нет! Мы не такие, как все. Мы очень не любим работать. Это нам вредно. Но мы любим отдыхать. Вы за нас работайте, а мы за вас будем честно отдыхать. Договорились?

— В нашем городе все должны работать, — сказала Кукурузинка.

— Хороший отдых — это тоже работа, — подала голос Мери Ковка и сладко потянулась. — Попробуйте-ка поспать двадцать часов подряд.

Никто не ответил. Да и что было отвечать. Разве мыслимо проспать подряд двадцать часов! Наконец Пахтачок, не скрывая изумления, спросил незнакомцев:

— И вы больше ничего не делаете?

— О нет! — сонным голосом протянула Мери Ковка. — Не надо так плохо думать о нас. Мы не только спим. Мы гуляем, едим, отдыхаем, развлекаемся. И всё это надо успеть сделать за каких-нибудь четыре часа. Ах, я еле стою на ногах. Питер, пора подумать об отдыхе.

— Что же делать, что делать? — устало забормотал Питер Ушка. — Придётся пойти в этот дом — вздремнуть. Она так устала, так

устала! Бедняжка! И я сам еле держусь на ногах. До вечера. Пока!

— Только их нам и не хватало, — разочарованно протянула Кукурузинка.

— М-да, — вымолвил Репь Репьевич и так грохнул колючим кулаком по счётам, что они застреко-тали, как тысяча сорок.

Вечером Питер Ушка и Мери Ковка появились на улице. Подошли к строящемуся дому. Постояли, скучающим взглядом посмотрели на рабочих. А потом Питер Ушка взял кирпич и спросил :

— Это что?

— Кирпич, — насмешливо откликнулся Перчик.

— Его не едят? — спросила Мери.

— Нет, — засмеялся Перчик. — Из него дома строят.

— А я люблю только то, что съедобно, — капризно проговорила Мери.

— Осмелюсь потревожить вас вопросом: как же вы будете жить? — поинтересовался Пахтачок.

— Очень просто. Как все.

— Но ведь все работают, — вступила в разговор Кукурузинка, — а вы как будто и не думаете трудиться. Ну, хоть что-нибудь вы умеете делать?

— Конечно, — решительно воскликнул Питер Ушка. — Мы можем... э... петь и... э...

— Танцевать, — подсказала Мери.

— Танцевать, — повторил Питер, — и ещё э... ах да! Чуть не забыл главного. Мы умеем бить баклуши.

— Это что такое? — спросил Перчик и поглядел на своих друзей.

Те только плечами пожали.

— Ах, какие вы смешные! Это же все знают! — улыбнулась Мери Ковка. — Неужели

вы не знаете? Ну, как бы вам попонятнее растолковать. Бить баклуши — это... это... не знаю, как и объяснить... Лучше мы с Питером покажем вам, как это делается. Покажем, Питер?

— Ну что ж, — лениво промолвил Питер Ушка, — если они не знают, давай покажем.

Он не спеша скинул куртку, расстелил её на земле. Оба рядышком уселись на куртке. Мери раскрыла над головой большой зонт, и они стали о чём-то вполголоса переговариваться. Прошло десять минут, полчаса, а они всё что-то бормотали. Потом Мери громко сказала:

— Надоело, — и зевнула.

— Тогда споём нашу любимую. — Питер потянулся, и они медленно, глухими сонными голосами запели:

Часы и дни несутся прочь.
Нам всё равно,
Что день,
Что ночь.
Во всём мы любим
Тишь да гладь,
Тепло,
Уют
И свет.
А до другого, так сказать,
Нам вовсе дела нет.
Баклуши бить — не землю рыть,
Не строить, не косить!
Готовы мы баклуши бить,
Всю жизнь баклуши бить.

Мери зевнула. Питер потянулся. Они легли и тут же уснули.

— Раз, два, три, четыре, пять — ничего нельзя понять, — затарахтел счётами Репь Репьёвич. — Полчаса они сидели, полчаса нам песню пели. Ну, а как баклуши бить, разрешите их спросить?

— Чего их спрашивать, они спят, как убитые, — сказала Кукурузинка.

— Попробуй разгадать эту арабскую загадку. Что такое баклуши? И почему их надо бить? Чем бить и зачем? — Пахтачок недоумённо развёл руками.

— Подождём, увидим, — успокоил его Старший Травинка, разгладив зелёные усы.

Мери и Питер проснулись не скоро. А когда проснулись, долго тёрли глаза, зевали, потягивались. Наконец они поднялись, и Питер сказал:

— Ну, на сегодня хватит. Нам пора ужинать и бай-бай.

— Разрешите узнать, а когда же вы начнёте бить эти самые, как их... баклуши? — подскочил к ним Пахтачок.

— Мы их не переставали бить. Пока! До завтра. — И, взяв Мери Ковку под руку, Питер Ушка двинулся к дому.

— Я понял, что такое бить баклуши. — Перчик свистнул. — Это значит ничего не делать! Бездельничать. Они обыкновенные лентяи!

ЗА СЕМЬЮ ЗАМКАМИ

Дом Тыквы стоял на окраине города за высоченным забором. Два огромных замка висели на воротах и дощечка с надписью: «Берегись. Злые скорпионы!» И горожане береглись. Обходили стороной Тыквино поместье. Кому же хочется угодить в лапы скорпиону!

Только Боб Бобыч дважды входил в эти ворота.

Впервые он появился здесь на другой день после того, как Тыква вселилась в новый дом.

Важно надув щёки и выпятив живот, Боб Бобыч несколько раз медленно прошёлся перед воротами. Тыква выглянула за калитку и увидела надутого толстяка с портфелем и тростью.

— День добрый, — ласково пропела она.

Но Боб Бобыч не удостоил её ответом. Он глубокомысленно смотрел на ворота и молчал.

Встревоженная Тыква бочком-бочком придвинулась к Бобу и ещё ласковее обратилась к важному незнакомцу:

— День добрый, ваша светлость. Кто вы и откуда?

— Домик ваш? — Боб Бобыч ткнул тростью в ворота.

— Мой. Да и ведь какой это дом! Так себе. Избёнка...

— Не на месте! — властным голосом повторил Боб. — Придётся сносить.

— Как же так? — оторопело бормотала Тыква, сидя в пыли. — Такую красоту сносить... А какие леденцы и монпансье растут в моём саду!

— Леденцы? — переспросил Боб и проглотил голодную слюну.

— И монпансье, и карамель, и лимонные дольки! — Тыква вскочила и заюлила вокруг Боба. — Да вы только войдите. Отведайте.

Боб ещё немного поломался и вошёл.

Через минуту он сидел за столом, а перед ним стояли большие блюда, доверху наполненные сладостями.

— Хорошо, — еле дыша, с трудом проговорил Боб набитым ртом и сунул в него ещё горсть монпансье. — Мы подумаем... — И в Бобовую пасть полетела пригоршня

леденцов. — Сделаем... — Он зачерпнул горсть лимонных долек.

Наевшись до отвала, Боб ссыпал оставшиеся сладости в портфель и ушёл, напевая:

Я — толстый, важный господин,
У всех в большом почёте...

Через неделю он снова наведлся к Тыкве. И опять она кормила его сладостями. А он ей обещал всё устроить и уладить.

Прошёл день, и Боб Бобыч опять постучал в знакомые ворота. Послышалось злое щёлканье скорпионовых клешней.

Боб постучал ещё раз, ещё. Ворота не отворялись. Тогда он принялся барабанить в них тростью. И вот тяжёлые створки ворот медленно, со скрипом распахнулись.

Но едва Боб Бобыч вошёл во двор, как на него с яростью набросилась целая свора скорпионов. Тыква стояла на крыльце и подзадоривала их:

— Жальте его! Пусть знает, как чужие сладости лопать! Как бедных женщин обманывать!

Разъярённые скорпионы уже нацелили свои ядовитые жала. Боб ткнул тростью в одного скорпиона, кинул портфель в другого, а сам подпрыгнул, схватился за ветку и повис, болтая ногами.

Сучок, на котором болтался Боб Бобыч, затрещал. Боб изо всех сил качнулся, кувырком перелетел через забор и ну улепётывать.

С тех пор он не бывал в особняке Тыквы. Да ещё пришлось ему заводить новые портфель и трость.

А Тыква по-прежнему выращивала у себя в саду и на огороде леденцы, монпансье, лимонные дольки и другие сладости.

Каждое утро Тыква собирала поспевшие сладости в корзины. Жан Баклажан относил

корзины в тележку и вёз её на базар.

Тыква проверяла замки на дверях дома, подвала, сарая, погреба... Да разве перечислишь все замки во владениях Тыквы! Там всё запиралось.

Затем она привязывала к поясу связку ключей и вслед за Жаном Баклажаном шла на базар продавать сладости.

Огромный рот Тыквы растягивался в улыбке, и она пела:

Мой Скорпион, не подпускай

К воротам никого.

Прохожего клешнёй хватай

И жаль скорей его.

Охо-хо-хо-хо!

Охо-хо-хо-хо!

Скорее жаль его!

Я всем умею торговать —

Могу продать Луну,

Смогу любого обсчитать,

Любого обману.

Охо-хо-хо-хо!

Охо-хо-хо-хо!

Любого обману!

Друзья мне вовсе не нужны,

Ну что от них за прок?

Лишь были б сундуки полны

Да полон кошелёк.

Охо-хо-хо-хо!

Охо-хо-хо-хо!

Да полон кошелёк...

САМА СЕБЯ ПОЙМАЛА

Седоголовый учитель Одуванчик одиноко сидел на скамеечке возле школы. Он был стар и потому любил погреться на солнышке. Разморённый ласковым солнечным теплом, старый Одуванчик закрыл глаза и, слегка покачиваясь из стороны в сторону, тихонько напевал:

Стар я стал,
Стар и сед.
Повидал
Много бед.
Много горя
Пережил,
Будто море
Переплыл!..
Только сроду
Не хандрил.
В непогоду
Не хандрил.
От невзгоды
Не хандрил
И не буду...

Одуванчик допел песню; его белая голова бессильно поникла, и он уснул.

— Тише, — шёпотом предостерегали друг друга прохожие, — наш учитель спит.

А находчивый Перчик тут же написал и вывесил на обоих концах улицы плакат-объявление:

ПРОШУ:
не разговаривать,
не петь, не смеяться!
Ти-ши-на!

И все соблюдали тишину. Потому что очень уважали старого Одуванчика.

Вдруг над тихой улочкой пронёсся крик:

— Пожар!

Улица моментально наполнилась горожанами. В этот миг Тыква возвращалась с базара. Заслышав шум, она остановилась. Стёрла пот с пухлых щёк и устало спросила пробегавшего мимо Водяного Ослика:

— Горит, что ли?

— Горит, — ответил тот на бегу.

— Далеко?

— Далеко.

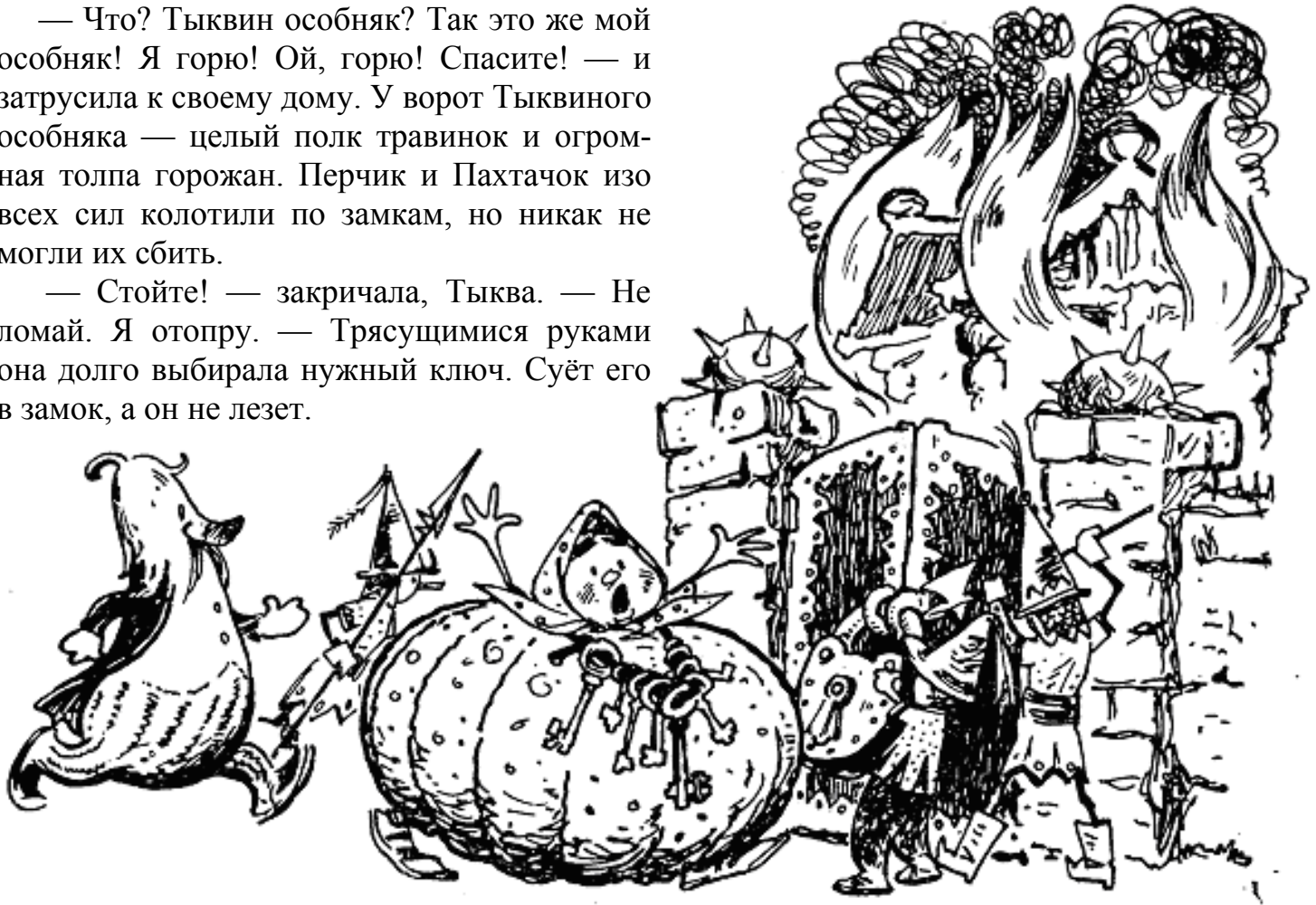
— Что горит-то?

— Тыквин особняк.

— Что? Тыквин особняк? Так это же мой особняк! Я горю! Ой, горю! Спасите! — и затрусила к своему дому. У ворот Тыквиного особняка — целый полк травинок и огромная толпа горожан. Перчик и Пахтачок из всех сил колотили по замкам, но никак не могли их сбить.

— Стойте! — закричала, Тыква. — Не ломай. Я отопру. — Трясущимися руками она долго выбирала нужный ключ. Суёт его в замок, а он не лезет.

— Не тот, — буркнула Тыква и опять принялась за поиски ключа.

Из толпы кричали:

— Ломай ворота!

— Дом сгорит!

— Ишь вы умники, «ломай»! — ворчала Тыква. — За всё денежки плачены.

Она вставила ключ, да снова не тот, и он завяз в замочной скважине.

Над крышей особняка взметнулось яркое оранже-вое пламя, а Тыква всё ещё возилась с ключами. На-конец замки были отперты, и ворота распахнулись.

Травинки кинулись к колодцу. Но на крышке колодца тоже висел большущий замок. А тут ещё сорвавшиеся с цепи скорпионы, как ошалелые, метались по двору, кидаясь на всех.

Пока травинки ломали замки да разгоняли скорпионов, пока уговаривали Тыкву срубить несколько деревьев, чтобы легче было тушить, пожар разгорелся вовсю.

И хотя травинки и горожане работали на славу, а водяные ослики сбились с ног, поднося воду, дом всё-таки сгорел...

Когда ночью двор погорельцев опустел и хозяева остались одни, Тыква приказала Баклажану:

— Иди-ка, Жан, запри ворота на засов да припри их бревном.

— Чего у нас воровать? Остались забор да ворота, — проворчал Жан Баклажан.

— Болван! Всё моё богатство в подвалах целёхонько. Теперь меня все будут жалеть. Все будут помогать. Там дадут, у того выпрошу. Выстрою дом — не чета этому. Весь из железа сделаю или из чугуна, чтобы не горел. И скорпионов заведу механических бронированных. Хорошо бы с пушками, И что бы ничего не боялись. А то разве это скорпионы? Все разбежались, не докличешься. Придётся сегодня самим и двор и сад стеречь.

Жан Молчал.

— Чего ты молчишь? — накинулась на него Тыква. — Тебе бы только поспать. Будем сегодня по очереди сад караулить. Сначала я посплю, а ты посторожишь. Потом ты посторожишь, а я посплю.

— Ладно, согласился Жан Баклажан. — Ложись спи. А я буду бодрствовать, — и, ткнувшись головой в колени, захрапел.

— О проклятие! — простонала Тыква. — Не муж, а сонная муха. Слушай, Жан. Да проснись же ты, наконец! Иди в сарай. Там есть капканы. Расставим их в саду. И тогда спи. Если какой вор и заберётся в сад, он капкана не минует.

Вдвоём они быстро расставили капканы, привязали их к деревьям, насторожили, а сами улеглись спать.

Проснулась Тыква среди ночи. Прислушалась Жан храпит на траве.

Вдруг её чуткое ухо уловило еле внятный шорох. Вздогнула Тыква, голову приподняла, в темноту всматривается. Шорох повторился. Хрустнул сучок. «Воры», — решила Тыква. Мужа будить без толку. Схватила Тыква дубинку и, крадучись пошла в сад. «Ага. Вот он где прячется», подумала Тыква, увидев неясную тень. Вскинула дубинку. Сделала шаг в сторону, а её кто-то хват за ногу! Да так крепко схватил, что Тыква, не охнув, повалилась на землю.

Тут её и за руку кто-то цап!

— Жан! заголосила Тыква. — Скорей на Помощь. Воры!

Вскочил Жан. Со сна ничего понять не может. Наконец разобрался, что на жену воры напали. Схватил палку да и кинулся на голос жены. Пробежал несколько шагов, а его кто-то как схватит за ногу. Кувыркнулся Жан и взревел:

— Грабят!

Вот и понеслось над сонным ночным городом:

— Караул!

— Грабят!

— Спасите!

Такой переполох поднялся! К особняку целая толпа сбежалась. Стучат в запертые ворота, а из-за них слышится:

— Убили!

— Караул!

Перчик, недолго думая, перемахнул через высокий забор. Вслед за ним перелезли Пахтачок и целый взвод травинок. А когда из-за облака выплыла луна и осветила сад, все увидели презабавную картину.

На земле, попав рукой и ногой в капканы, лежала Тыква. Невдалеке от неё, прижавшись животом к дереву, размахивал руками Жан Баклажан. Одна нога Жана застряла в капкане. Бедный Баклажан топал свободной ногой, махал руками, стараясь как-то унять боль.

Только на рассвете разошлись горожане по домам, и город снова затих, погрузился в сон.

НАПАДЕНИЕ

— Тревога! Тревога! Все сюда!

Это маляр Горошек бежал вдоль улицы и кричал что есть мочи.

Скоро все горожане сбежались на центральную площадь. Они окружили Горошка, тормошили его, расспрашивали.

— Вышел я за город,— рассказывал Горошек,— присел отдохнуть. Пригрелся на солнышке и задремал. Проснулся от шороха. Открыл глаз и увидел Мышь.

Все ахнули. Теснее сбились в кучу и, затаив дыхание, слушали маляра.

— Кинулся я к городу, а она — за мной. Догоняет, вот-вот зубами схватит. Бросил я ей шапку, потом куртку. Пока она их грызла, я на бугор вбежал. А когда оглянулся. Ох...

Горошек покачнулся и едва не упал. Его подхватили под руки. Подбежал Водяной Ослик с бурдюком свежей студёной воды. Горошек глотнул водицы и, еле ворочая языком, договорил:

— Когда я оглянулся, Увидел несметные полчища мышей. Они со всех сторон ползут к городу. Мы погибли!

Что тут началось! Поднялся крик, Плач, гомон.

Тетя Тыква в это время сидела в базарном ряду, торговала сладостями.

Заслышав шум, она встревожилась:

— Батюшки, не воры ли?

— Улепётывай отсюда! — Крикнул ей, пробегая мимо, Водяной Ослик.— На город напали мыши!

— Мыши! — ахнула Тыква, закатив глаза. — Они же съедят мои сладости!

— И тебя слопают!

— Молчи, негодник! Ах, мои сладости! И куда это запропастился Жан. Батюшки! Разбой!

Причитая и хныкая, Тыква сгребла в корзины леденцы, монпансье, лимонные дольки.

— Эй?— заголосила она. — Помогите, кто может! Не киньте старуху в беде!..

Пока Тыква спасала свои сладости, Кукурузинка, Пахтачок, Старший Травинка, Перчик, Одуванчик и Репь Репьёвич собрались на совет. Было решено объявить в городе военное положение. На башню Поднялся трубач и затрубил в длинную зелёную трубу: «Тра-та-та-та! Т-та-та! Тра-та-та-та-та! Тру-ру-ру-ру! Ру! Ту!»

Заслышав сигнал тревоги, травинки сбежались со всех сторон. Вскоре собралось всё зелёное войско.

— Теперь нужно послать за город разведчика, — предложил Старший Травинка.

— Я пойду в разведку, — вызвался Перчик.

— А может быть, я? — выступил вперёд Пахточок.

— Раз, два, три — сюда посмотри. За тройкой идут четыре и пять — лучше меня на разведку послать, — проскрипел Репь Репьевич.

— Придётся тянуть жребий, — предложил Одуванчик.

Жребий выпал Перчику. Он и отправился в разведку.

— Будь осторожен, — сказала Кукурузинка.

— Не заходи далеко, — напутствовал Старший Травинка.

— Счастливого пути! — Пахточок помахал другу белой Шляпой.

Перчик вышел за городские ворота. Остановился. Огляделся по сторонам. Нет никаких мышиных полчищ. «Видно, бедному Горошку всё это со страху почудилось», — подумал Перчик и стал осторожно спускаться с бугра.

И тут он заметил Множество маленьких дырочек в земле.

«Что бы это могло означать? — задумался Перчик. — Прежде их не было»

Он внимательно присмотрелся и ахнул. Из дырочек-норок высовывались острые мышиные морды. Злые красные глаза пристально следили за Перчиком. Храбрый разведчик сделал вид, что ничего не заметил, а сам стал потихоньку пятиться к городским воротам. Но едва он сделал несколько шагов, как целая свора мышей выскочила из нор и кинулась на Перчика.

— Я его съем! — закричала Серая Мышь.

— Нет, это моя добыча! — взвизгнула Чёрная Мышь и подставила Серой ножку.

— Не трогайте. Он — мой! — прохрипела большая Длиннохвостая Мышь.
— Не дам! — зарычала Чёрная и вцепилась зубами в длинный хвост соперницы.
— Ах, так! — взвизгнула Длиннохвостая и укусила Чёрную за ногу.

И началась такая отчаянная драка, что Перчик вполне мог удрать.

Но не таков был Перчик, чтобы удирать от врага без боя. Он скинул красный плащ, с силой тряхнул им перед оскаленными мышьиными мордами. В воздух поднялось целое облако мельчайших пылинок перца. Они набились в мышьиные глаза и носы. Потом... Впрочем, ты и сам знаешь, что бывает, когда в нос или глаз попадёт перец. Ну конечно же: мыши чихали, визжали, тёрли глаза, прочищали носы. А Перчик тем временем добежал до городских ворот и скрылся за ними.

Друзья очень обрадовались его возвращению. Но, когда разведчик рассказал о своих приключениях, все помрачнели.

— Они решили напасть на нас ночью, — угрюмо проговорил Одуванчик. Ночью все разбойники вдесятеро сильнее, чем днём, — сказал Старший Травинка, свивая в кольца длинные зелёные усы.

— Значит, с ними надо драться днём! — воскликнула Кукурузинка и решительно дёрнула себя за рыжую косицу.

— Раз, два, три, четыре, пять — для чего нам ночи ждать? Шесть, семь, восемь, девять, десять — всё успел я точно взвесить. Мыши нас тяжелей, но зато мы их сильнее. Да не надо забывать, что мы будем наступать.

И Репь Репьевич поднял вверх колющий кулак.

Все тоже вскинули над головами кулаки.

Старший Травинка затянул ремень и отчеканил:

— Будем драться сейчас. Я поведу травинок в бой!

— Горожане пойдут с вами, — сказала Кукурузинка, и её белые щёки стали розовыми от возбуждения.

— Стойте! Погодите! Пропустите нас!

Это кричали Мери Ковка и Питер Ушка.

Вот они подбежали к Кукурузинке и, перебивая друг друга, заголосили:

— Скорей!

— Быстрей!

— Мы уезжаем!

— Нет, улетаем!

— Поторопитесь!

— Поспешите!

— В чём дело? — изумилась Кукурузинка.

— Город в осаде, — затараторил Питер. — Каждую минуту могут ворваться враги. И мы погибнем. А мы не хотим гибнуть вместе с вашим городом. Причём тут мы? Помогите нам убежать пока не поздно...

— Послушайте Питер, берите в руки копьё и становитесь в строй, будите защищать Кукурпах.

— Наплевать мне на Кукурпах! А потом... потом я ничего не умею. Я могу только бить баклуши.

— А сегодня вам придётся бить мышей!

— Нет-нет... — у Питера от страха даже холодный пот выступил на лбу. — Пос-с-лу-ш-шай-те... — лепетал он, но его уже никто не слушал...

Над притихшим городом пела боевая труба, сзывая на бой всех, кто честен и смел.

БОЙ

У городских ворот собрались травинки и все жители Кукурпахы. Здесь не было только Боб Бобыча и его Бобихи, Мери и Питера, Тыквы и Баклажана.

Травинки с пиками наперевес выстроились ровными рядами.

Старший Травинка подал команду к походу. Запели трубы, загремели барабаны. Ворота распахнулись. Отряды травинки двинулись вперёд. Запевала начал песню. Её подхватили все:

Опять боевую тревогу
Зелёные трубы поют,
В дорогу,
 в дорогу,
 в дорогу,
Отважных и смелых зовут.
Того, кто робеть не умеет,
Любая беда не берёт!
Смелее,
 смелее,
 смелее
Иди, мой товарищ, вперёд.
Пусть на себе испытает
Удары зелёных рот.
Шагает,
 шагает,
 шагает
Бесстрашное войско вперёд!

За городскими воротами травинки кинулись навстречу мышинной рати. Ох, какой

жестокий начался бой! Не на жизнь, а на смерть. Травинки кололи врагов пиками, рубили мечами. Музыканты били захватчиков трубами, а барабанщик колотил их по головам колотушкой.

Вместе с травинками отчаянно дрались и горожане.

То здесь, то там мелькал на поле боя красный плащ Перчика. Рядом с ним был плотник Орешек.

Махнёт Перчик плащом — мыши зачихают, закашляют. Тут Орешек и рубит им хвосты и головы.

А как лихо сражался Репь Репьёвич! Он бил врагов колючими счётами, молотил шипастыми кулака-ми. А иногда, рассвирепев, подпрыгивал вверх и, свернувшись по-ежиному в клубок, падал на головы разбойниц.

Много их погибло у стен Кукурпахы. Но и ряды защитников города сильно поредели.

Мыши рвали травинки на части. Они откусили руку маляру Горошку, отгрызли ногу стекольщику Маковке. Кукурузинка не успевала перевязывать раненых.

И всё же мыши не выдержали дружного натиска горожан. Медленно, шаг за шагом стали они отступать. Это сразу заметил Старший Травинка. Выхватив меч, он закричал:

— В атаку!

Атака была настолько стремительной и яростной, что мыши кинулись от города прочь. Скоро разбойничьи полчища скрылись в степи.

С победными криками и песнями горожане вернулись в Кукурпах. В городе долго гудели взволнованные голоса победителей, а когда они стихли, стал слышен какой-то жалобный стон. Он доносился сверху.

Это стонал Питер Ушка. Он оказался привязанным к верхушке столба.

— Спасите, — жалобно пищал Питер.

— Как вы туда попали? — изумился Старший Травинка.

— Я прятался от мышей. Они бы сюда ни за что не забрались. Но я привязался так крепко, что никак не развяжусь. Проклятая верёвка скоро перепилит мой живот пополам. Спасите!

Пришлось травинкам лезть на столб. Они еле вынули из петли полуживого Питера.

— Теперь, — пролепетал Питер Ушка, — спасите Мери. Она там, — и ткнул пальцем в небо.

Все запрокинули головы, но Мери на облаках не было видно.

— Её там нет, — сказал Перчик.

— Смотрите ниже, — простонал Питер.

— Ниже торчит труба, — сказала Кукурузинка.

— Она там. В трубе. Надо её спасти.

— Ну, это по моей части! — весело воскликнул Перчик. — Не зря же трубочист.

— Мери извлекли из трубы. Она походила на страшную Бабу-ягу. Глядя на нее, горожане хохотали до упаду.

НУ И ВОЯКА.

Утром всех разбудили истошные крики:

— Сюда! Скорее все сюда!

Горожане решили, что мыши снова напали, и, вооружившись, кто, чем мог, кинулись на улицу.

Оказалось, что это кричал Боб Бобыч. Он стоял на крыльце своего дома в окружении Бобихи и семи бобят. Толстый живот Боб Бобыча был перепоясан широким ремнём. На нём с одного бока болталась сабля, а с другого — длинный кухонный нож. Вид у Боба Бобыча был очень воинственный. Можно было подумать, что он один собрался напасть на целый полк мышей.

Когда улицу перед домом заполнили жители города, Боб Бобыч поднял руку вверх и начал длинную речь:

— Друзья мои! — важно произнёс он. — Вчера мы с вами одержали славную победу. В ознаменование её я издал специальный приказ. Его я прочту после моей речи. Итак, город спасён! Не надо меня благодарить за это. Таков мой долг.

Теперь как главнокомандующий обороной города я приказываю...

— Одну минуточку! — крикнул Перчик, пробираясь вперёд.

— Не перебивайте меня! — закричал Боб Бобыч.

— Одну минуточку... — не унимался Перчик. — Вчера мы все дрались у стен города. Но, извините, вас там я не заметил. Может быть, вы руководили боем из окна своего

дома и били врагов прямо с этого крыльца?

— Замолчи, негодник! — зашипел Боб Бобыч.

Тут вперёд вышла старая дворничиха Луковка. Она сказала: — Вчера Боб Бобыч со своим семейством заперся в погребе и весь день просидел за железной дверью. Сегодня утром я еле уговорила его вылезти.

Раздался оглушительный хохот.

— Ну и вояка!

— Где же он саблю раздобыл?

— Гнать его отсюда!

Перетрусивший Боб Бобыч поспешил улизнуть с крыльца и заперся в своём доме.

— Ну погодите, — злобно шипел он, — я ещё вам покажу...

И Боб Бобыч стал думать, как бы ему отомстить непочтительным жителям Кукурпах.

Прошло несколько дней. Мало-помалу горожане забыли о недавней опасности.

Весть о победе над мышами разнеслась по всей округе. В Кукурпах стали прибывать всё новые жители.

А вот Мери Ковка и Питер Ушка ушли из города. Никто не хотел на них работать, кормить и поить их. И они пошли искать другой город, где лодырям живётся привольно и где можно всю жизнь бить баклуши.

КАК НАКАЗАЛИ ТЫКВУ

Потная, сомлевшая от жары Тыква сидела на перевёрнутой корзине и тяжело дышала. Перед ней на прилавке стояли весы и возвышались горы сладостей. Возле Прилавка стоял Жан Баклажан. Он запрокинул голову и, посинев от натуги, что есть мочи кричал:

— А ну, налетай! Подходи, покупай! Лимонные дольки, монпансье и леденцы! То-

ропись, а то всё распродам. Сладко, вкусно, дёшево!

В это время мимо рынка проходили Кукурузинка, Пахтачок и Репь Репьёвич. Заслышав вопли Жана Баклажана, все трое не спеша направились к Тыкве. Та как раз взвешивала лимонные дольки Водяному Ослику.

Тыква орудовала руками, как заправский жонглёр. Перед носом изумлённого Ослика мелькали гирь-ки, лимонные дольки, кульки. Не успел он и глазом моргнуть, а Тыква уже протянула ему кулёк со сладостями. Ослик достал было деньги, чтобы расплатиться, но тут послышался недовольный голос Репь Репьёвича:

— Пятью пять — двадцать пять, на учиська, брат, считать. Шестью шесть — тридцать шесть, свой кулёк ты снова взвесь. Ведь тебя же, друг, надули, обсчитали, обманули.

Удивлённый Ослик только хлопал глазами.

Зато Тыква коршуном налетела на Репь Репьёвича:

— Чего в чужие дела встречаешь? Провалиться мне на этом месте, если я его обманула. — И вдруг слезливо затянула: — Все на меня нападают. Все обижают. Бедная я, беззащитная...

— Раз, два, три, четыре, пять, перестань-ка причитать. Ослику сейчас ты только не довесила три дольки.

— Я? Не довесила? Да как вы смеете...

— Пожалуйста, не кричите, — поднял руку Пахтачок. — Сейчас мы проверим.

Ослик положил на весы кулёк со сладостями. В нём и в самом деле не хватало трёх лимонных долек.

— Он их проглотил! — крикнула Тыква.

— Я и кулька не развёртывал.

— Тогда уронил! — ещё громче закричала Тыква.

А сама незаметно выхватила из корзины горсть лимонных долек и швырнула их под ноги Ослику. Да впопыхах не рассчитала — слишком сильно кинула. И дольки запрыгали по земле, как маленькие лягушата.

— Наказать её!

— Выгнать из Кукурпаха! — раздались возмущённые голоса.

— Давайте повесим над её прилавком вывеску с надписью: «Покупатель! Будь внимателен: здесь нечестный продавец!» — предложил Водяной Ослик.

— Правильно!

— Давно бы так!

— Ловко мы её проучили! — ликовал Пахтачок.

Но Репь Репьёвич сердито тряхнул счётами и проскрипел:

— Не до радости сейчас — это раз. Не проймут её слова — это два. Надо путь искать другой, но какой?

— Есть другой путь! — Кукурузинка хлопнула в ладоши и ещё громче повторила: — Есть! Давайте посадим большой сад. Вырастим там леденцы и монпансье, и лимонные дольки, и даже трюфели. Сад будет общий. Пусть каждый заходит и сколько хочет, столько и рвёт. Тогда у Тыквы некому будет покупать конфеты и ей придётся уйти из Кукурпаха.

— Здорово! — Пахтачок сдвинул белую шляпу на макушку.

— Мудро! — сказал Репь Репьёвич.

Настроение у друзей стало таким хорошим, таким радостным, что Кукурузинка, не выдержала, потихоньку запела. Репь Репьёвич и Пахтачок подхватили песню:

Если дружно,
Если вместе —
Нет тогда для нас преград.

Расцветёт на голом месте
Пышный сад,
Чудесный сад!
Если друг
За друга встанет —
Всё на свете
Нипочём!
Пусть беда любая грянет —
Отведём беду плечом.

Скоро в центре города вырос великолепный сад. Какие только сладости не росли там! Заходи и рви, сколько тебе надо. Тогда-то Тыква и уехала из Кукурпаха искать другой город, где жители не такие дружные и трудолюбивые.

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Как-то в полдень к городским воротам подошёл Боб Бобыч.

— Я хочу погулять, — сказал он начальнику стражи. — Пустите меня за город.

Его выпустили.

Боб Бобыч долго озибался по сторонам. Потом, не спеша, стал спускаться с бугра, напевая:

Я — толстый, важный господин,
У всех в большом почёте,
На свете я такой один,
Другого не найдёте...

Так он сошёл с бугра и пошёл по полю. Скоро Боб Бобыч устал, вспотел и присел на камень отдохнуть.

Первым делом он вынул из кармана свой огромный, как простыня, носовой платок. Обтёр им потную лысину. Потом достал из портфеля пакет с бутербродами и принялся их уминать за обе щёки.

Вдруг прямо у ног Боба из норы выскочила большущая мышь. Она раскрыла зубастую, как у щуки, пасть. У Боба от страха бутерброд застрял в горле. Он не мог вымолвить ни слова, только хрипел да вращал по-рачьи выпученными глазами. Мышь клацнула клыками и приготовилась прыгнуть на Боба. В это мгновение Боб Бобыч с трудом проглотил кусок, шевельнулся и прохрипел:

— Не трогай меня! Я принёс Королеве мышей важное известие. Веди меня к ней. Если ты меня съешь, она тебя казнит.

— Ха-ха-ха... — рассмеялась мышь. — Я и есть мышинная Королева. Зачем я тебе понадобилась? Говори скорее, да я тебя съем.

— Врёшь. Ты не Королева.

Мышь тоненько пискнула, и тут же появилась целая свора мышей. Они подбежали, низко поклонились и дрожащими голосами пропищали:

— Что угодно вашей королевской милости?

Теперь Боб Бобыч поверил, что перед ним действительно мышиная Королева. Он упал перед ней на колени. Сложил руки на круглом, как мяч животе, надул пухлые щёки и, выпучив глаза, заверещал:

— О великая и грозная повелительница! Я принёс тебе радостную весть. Но, прежде чем я скажу её, обещаю выполнить одну мою просьбу.

— Обещаю, — процедила сквозь зубы мышиная Королева.

— Ваше мышиное войско храбро дралось у стен Кукурпах. Но вы мудро решили отступить, чтобы не губить своих солдат. А можно захватить Кукурпах без боя и без потерь. И это сделаю я, Боб Бобыч. — Боб встал, важно выпятил живот, отставил ногу. — Сегодня приводи своё войско прямо у городу и спрячь его. Завтра я с семейством выйду за ворота погулять. Проходя через ворота, я замешкаюсь. Вы ворвётесь в город. Никто вас не ждёт. Вы победите.

— Мудрый план, — подумав, проговорила Королева. — Что же ты хочешь за эту услугу?

— Что-бы потом вы назначили меня главнокомандующим и начальником всего Кукурпах.

Королева милостиво согласилась.

Боб Бобыч отвесил ей низкий поклон и воротился в город...

Всю ночь мышиное войско бесшумно подтягивалось к городу. Серые разбойницы спрятались в норы и замерли там, ожидая сигнала своей предводительницы.

Рано утром Боб Бобыч с семьёю бобятами и круглой Бобихой вышел за город. Он сразу увидел мышей, которые притаились у самых стен.

Погуляв немного Боб Бобыч сделал Королеве знак приготовиться, а сам, не спеша, направился к городским воротам и постучался в них.

— Отоприте. Это я Боб Бобыч, возвращаюсь с прогулки.

Охранники стали открывать ворота.

В это время на крыше крепостной башни сидел маляр Горошек. Он забрался туда, чтобы покрасить крышу. Услышав голос Боб, маляр глянул вниз и увидел мышей.

— Стой! — закричал Горошек. — Не открывай! Там мыши! Он — предатель! Он привёл мышей!

Сторожа захлопнули ворота и быстро их заперли. Часовые травинки влезли на крепостные стены и увидели несметные полчища мышей. Над городом запели боевые трубы.

Обозлённые неудачей мыши окружили семейство Боба. Королева подошла к Боб Бобычу и, зло сверкая красными глазами, прошипела:

— Ты не сдержал своего слова, толстопузый болтун! Ты обманул нас! И вот тебе за это награда!

С этими словами она проглотила Боб Бобыча, Бобиху и семерых бобят.

Потом она приблизилась к городским воротам и закричала:

— Эй вы! Трусы! Сдавайтесь без боя. Сегодня ночью мы всё равно ворвёмся в ваш противный город и сравняем его с землёй!

Услышал эти слова однорукий маляр Горошек, и такая обида и злость охватила его, хоть сам с башни прыгай на голову Королевы. Пошарил он взглядом вокруг и увидел большое ведро с краской. Упёрся в него плечом и давай толкать к краю. Тяжёлое ведро

свалилось с крыши и прихлопнуло Королеву-разбойницу.

Среди мышей поднялся невиданный переполох. По приказанию молодого королевича всё мышиное войско отошло от города в чистое поле. Там торжественно и пышно похоронили мышиную королеву, и молодой Королевич произнёс речь.

— Мы, — кричал он, вытягивая шею и злобно шевеля усами, — никогда не простим жителям Кукурпаха гибель нашей любимой Королевы!

— Не простим! — заорали тысячи мышей.

— Я послал гонцов к сёстрам Королевы. Сегодня ночью они приведут сюда свои полки. И тогда... тогда мы, — Королевич повысил голос и завизжал, — расправимся с Кукурпахом! Всё уничтожим! Всех слопаем!!!

— Слопаем!!! — пуще прежнего заорало мышиное войско и защёлкало зубами.

Под покровом ночи несметные полчища мышей подошли к городу и стали прогрызать городские стены.

ВОЕННЫЙ СОВЕТ

И снова в доме Кукурузинки заседал военный совет. Старший Травинка устало пригладил обвисшие, поредевшие в бою зелёные усы и медленно заговорил:

— В прошлом бою мы потеряли половину солдат. Помощи ждать неоткуда. Мыши получили подкрепление. Их стало вдвое больше. Нам с ними не справиться.

— И всё же надо что-то предпринять, — неуверенно проговорил Перчик, сдвинув на затылок заштопанный красный колпак.

— Трудно найти выход из такого положения, — прошамкал старый Одуванчик, понуро опустив седую голову.

— Мы в западне, — трагически прошептал Пахтачок, и его смуглые щёки стали белыми.

Репь Репьёвич укоризненно посмотрел на Пахтачка, хмыкнул и застрекотал:

— Шестью восемь сорок восемь, все сомнения отбросим. Пятью девять — сорок пять, рано, братцы, унывать. Здесь сидит нас шесть голов, шесть умов. Пусть каждый придумает малую крошку — вот мы и выход найдём понемножку.

— Правильно! — закричала Кукурузинка и так дёрнула себя за рыжую косичку, что едва её не оторвала. — Надо думать и думать.

— Если мы до утра ничего не придумаем, — сказал Старший Травинка, — мы погибли.

— Я...я, кажется, кое-что придумала! — закричала Кукурузинка, и её глаза радостно заблестели.

— Что?

— Ну?

— Говори скорее!

— Кого бояться мыши больше всего на свете? — спросила Кукурузинка.

— Об этом могут знать только сами мыши, — развёл руками Пахтачок.

— Сейчас заглянем в справочник, — сказал учитель Одуванчик.

— Не надо смотреть в справочник. Мыши больше всего боятся Кота.

— Откуда ты знаешь? — удивился Одуванчик.

— Однажды встретила с Котом. Он большой и лохматый. У него длиннющие когти. Огромные зубы. И вот такой хвост...

— И он тебя не съел? — удивился Перчик.

— Нет, — улыбнулась Кукурузинка. — Он таких малышей не трогает. Кот ест мышей. Да-да. И мыши ужасно его боятся. Стоит ему мяукнуть — мыши со страху разбегаются.

— Вот бы нам Кота!.. — мечтательно проговорил Пахтачок.

— Постойте! Я не всё сказала. В темноте глаза у Кота горят, как светлячки. Давайте позовём двух светлячков. Ночью они лягут на крепостную стену, а мы замаяукаем. Мыши подумают, что это Кот, и убегут.

— Неплохо придумано, — разглаживая усы, проговорил Старший Травинка. — Только где мы разыщем светлячков?

— В самом деле, где? — растерянно спросил Пахтачок.

— Помолчите немного, — попросил учитель Одуванчик, — я хочу подумать!

Все умолкли.

Очень долго думал старый Одуванчик.

Пока он думал, Старший Травинка успел закрутить свои зелёные усы в десять колец. Кукурузинка успела пятьдесят раз дёрнуть себя за косу. Перчик семь раз снимал и надевал свой красный колпак. Репь Репьёвич подсчитал, сколько волосинок в седой голове Одуванчика.

Но вот учитель поднял белую голову, поправил роговые очки и медленно заговорил:
— Недалеко от города есть гнилой пенёк. На нём живут светлячки. Они добрые и охотно помогут нам в беде.

— Но город окружён мышами. Как же пройти к светлячкам? — спросил Старший Травинка.

И опять все умолкли, смущённо потупясь. В самом деле: как выбраться из осаждённого города и как в него вернуться?

Одуванчик думал, думал — задремал.

Перчик думал, думал — зачихал.

Старший Травинка думал, думал — завздыхал.

Пахтачок думал, думал — головой закачал.

Репь Репьёвич думал, думал да и говорит:

— От правды нельзя отворачивать глаз — это раз. А правда горька, как полынь-трава, — это два. Но ты на неё всё равно смотри — это три. Нельзя нам хандрить, нельзя унывать — это четыре и это же пять. Надо всегда думать, искать...

— Нашёл! — закричал Пахтачок.

Все так и подпрыгнули.

— Чего?

— Как?

— Где?

А Пахтачок и в самом деле нашёл выход из труднейшего положения.

ПОБЕДА

Пахтачок взобрался на самый высокий шпиль крепостной стены. Там он поднял над головой широкополую лёгкую шляпу. Сильный порыв ветра подхватил шляпу и понёс её

вместе с Пахтачком.

Скоро Кукурпах остался далеко позади. Под ногами Пахтачка плыла невидимая в темноте земля. А над головой сверкали гирлянды золотых звёзд.

Но вот внизу показались какие-то светящиеся точки.

Пахтачок подогнул полы шляпы и стал медленно спускаться. Через минуту он уже был у светлячков.

Они жили на одном пеньке. Но это была настоящая сказочная страна. Сколько здесь было света! Всё вокруг искрилось и сверкало, будто одновременно горели тысячи крохотных солнц.

Этот свет излучали не электрические лампочки. Их там совсем не было. Зато каждый светлячок — гражданин этой волшебной страны — сам походил на крохотную лампочку от карманного фонарика. Он весь светился. От макушки до пяток.

Дело в том, что кудесники-светлячки шили себе куртки, и штаны, и шапки, и даже башмаки из особого материала. Он светился, как огонь, но не жёгся...

Как только Пахтачок ступил на землю светлячков, его сразу заметили и окружили со всех сторон.

— Ты кто? — спросили его.

— Я — Пахтачок из Кукурпах. Прибыл к вам за помощью.

— Тогда пошли к старшине.

Старшина оглядел гостя, не спеша пригладил свою золотистую, словно сотканную из солнечных лучей бороду и ласково спросил:

— Откуда ты, чужестранец и зачем пожаловал в наши края?

— Я — Пахтачок из города Кукурпах. Он стоит на бугре, востоку от вашей республики.

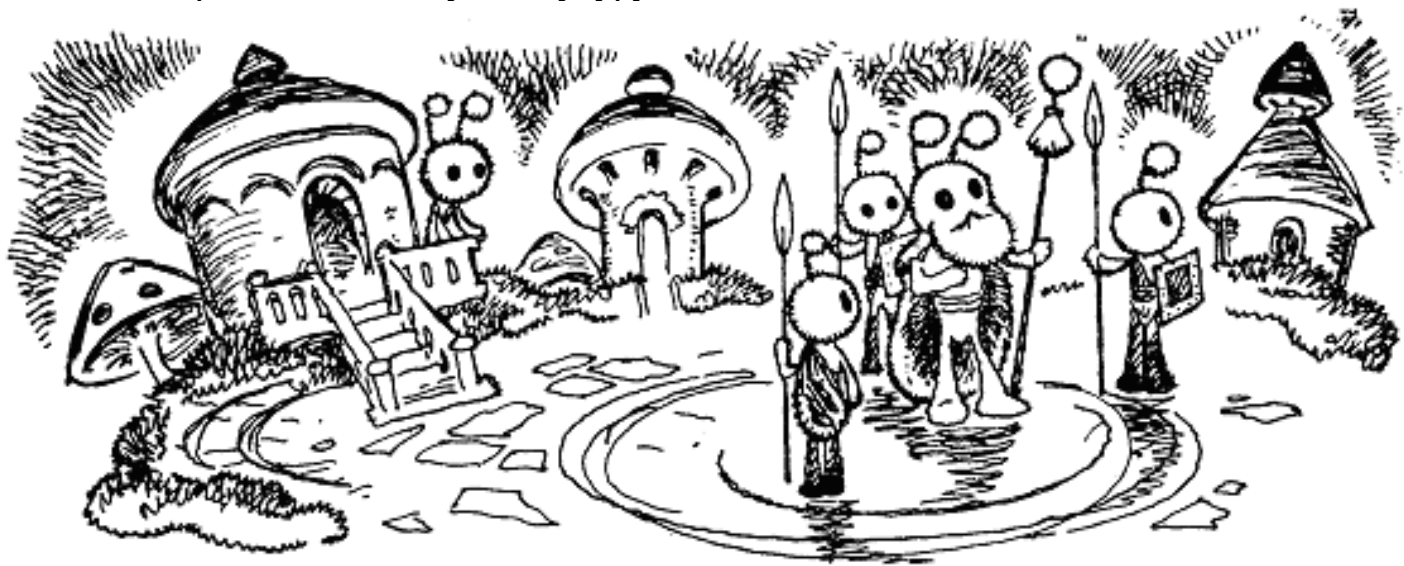
— Слышал, слышал об этом городе и его славных обитателях, — проговорил старшина.

Пахтачок поведал ему, как они строили город, как весело и счастливо жили в нём до тех пор, пока не напали на них разбойницы-мыши. Когда же он стал рассказывать о недавнем сражении с мышами, старшина не выдержал, вскочил и заходил по зеркальному полу.

— Сегодня мыши снова напали на Кукурпах. Их впятеро больше нас. Да к тому же ночью разбойники всегда сильнее. Пока я летел к вам, может быть, мыши уже прогрызли крепостные стены и ворвались в город.

— Чем же мы можем помочь тебе? — сочувственно спросил старшина.

Пахтачок рассказал о выдумке Кукурузинки.

Старшине эта выдумка очень понравилась, и он сказал:

— Помочь добрым соседям мы всегда рады. Сейчас покличем добровольцев.

Он вышел на балкон и крикнул:

— Наши соседи, граждане великого и славного Кукурпаха, попали в беду. Им угрожает гибель от злых и коварных мышей. Нужны два добровольца, чтобы спасти мирных и храбрых жителей Кукурпаха. Кто пойдёт?

— Я пойду!

— Пошлите меня!

— Мы согласны!

— Посылайте нас!

Крики неслись со всех сторон. Каждый светлячок хотел помочь Пахтакку и его товарищам.

Все жители сказочной светящейся страны провожали Пахтакка и двух светлячков.

Те вскарабкались на крышу самого высокого дома и уцепились за шляпу. Дунул ветер, и шляпа поплыла по воздуху, унося друзей в сторону Кукурпаха.

Светлячки запели:

Не простой я червячок —
Червячок-светлячок!
В темноте ночной горю я,
Как заветный маячок.
Всё сияет у меня,
Всё сверкает у меня.
Рукавички,
Шуба,
Шапка —
Всё из чистого огня!

В это время в Кукурпахе поднялась страшная тревога. Мыши вгрызались в стены. В тишине слышался ужасный хруст и треск, от которого волосы шевелились на голове. Горожане кидали в мышей камни, метали стрелы, но это не помогало.

— Если через час Пахточок не вернётся, мы погибли, — сказал Старший Травинка и посмотрел на большие башенные часы.

Все вскинули головы и тоже стали смотреть на часы.

Узорчатые стрелки медленно ползли по циферблату. Ещё минута... Ещё... Так в томительном ожидании прошло полчаса. Город словно вымер. В мёртвой тишине слышался только скрежет мышиных зубов.

Вдруг в тёмном небе мелькнул белый шар. Это была шляпа Пахточка.

Вот он приземлился на площади.

— Ура! — В воздух взлетели щиты, шлемы, платки.

Не успели мыши опомниться от этого шума, как из окна крепостной стены выглянули два светящихся глаза, а над бугром пронёсся пронзительный кошачий крик:

— Мяу!

Мыши кубарем покатались с бугра. Сбились в тесную дрожащую кучу и долго не осмеливались взглянуть на город. А когда взглянули, увидели светящиеся кошачьи глаза и подняли такой переполох, что и не описать. Давя друг друга, они бросились прочь. Вслед им несло:

— Мья-ауу! Мья-аауу!

Защитники города ликовали.

И Перчик, и Репь Репьёвич, и Старший Травинка и Соломинка, и Одуванчик, и все-все жители дружного города Кукурпаху славили Кукурузинку — за выдумку, Пахтачка — за храбрость, светлячков — за помощь.

Kosten

ОГЛАВЛЕНИЕ

С НЕБА УПАЛА	3
НА ГРОЗОВОЙ ТУЧЕ	6
КТО Я?	9
ПОРТНОЙ СОЛОМИНКА	13
ЗДРАВСТВУЙ, ПАХТАЧОК!	17
ВОДОПАД	20
БОБ БОБЫЧ	24
БОБОВО СЕМЕЙСТВО	30
СЕРАЯ РАЗБОЙНИЦА	33
РЕПЬ РЕПЬЕВИЧ	39
КАК ПЕРЧИК ПРОУЧИЛ БОБА ..	43
ВОТ ТАК ПОПОЛНЕНИЕ!	47
СНОВА СЕРАЯ РАЗБОЙНИЦА ..	50
ГОРОДОК НА БУГРЕ	53
ЭЙ, ВОДОНОС!	60
МЕРИ КОВКА И ПИТЕР УШКА ..	64
ЗА СЕМЬЮ ЗАМКАМИ	69
САМА СЕБЯ ПОЙМАЛА	73
НАПАДЕНИЕ	78
БОЙ	83
НУ И ВОЯКА!	87
КАК НАКАЗАЛИ ТЫКВУ	88
ПРЕДАТЕЛЬСТВО	92
ВОЕННЫЙ СОВЕТ	96
ПОБЕДА	98

Лагунов Константин Яковлевич

Городок на бугре

Художник В. Бубенищikov

Редактор И. Круглик

Художественный редактор Г. Кетов

Технический редактор К. Проскурникова

Корректор А. Богородская

Сдано в набор 30/XII 1968 г.

Подписано в печать 2/IV 1969 г.

Бумага типографская .№ 2.

Формат 90х70/16. Уч.-изд. л. 4,64. Усл. печ. л. 6,43.

Тираж 100.000. Заказ 2. Цена 16 коп.

Средне-Уральское книжное издательство,

Свердловск, Малышева 24

Типография издательства «Уральский рабочий»,

Свердловск, пр. Ленина, 49.